

Кирилл Ластовец
ОСТАТЬСЯ НА ГРАНИ

Кирилл Ластовец
Остаться на грани

«Издательские решения»

Ластовец К.

Остаться на грани / К. Ластовец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939352-4

Будучи еще достаточно молодым, Карим уже пережил немало лишений в своей жизни. Теперь же, стоя на краю, он столкнулся с самой главной дилеммой судьбы. Он был поставлен перед нелегким выбором между двумя сторонами одной грани. Но чтобы принять верное решение, он должен вспомнить все, что привело его к этому, и свершить суд.

ISBN 978-5-44-939352-4

© Ластовец К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Май 2014	7
Июнь 2014	9
Глава 2	19
Сентябрь 2014	19
Октябрь 2014	24
Ноябрь 2014	26
Декабрь 2014	29
Глава 3	33
Январь 2015	33
Февраль 2015	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Остаться на грани

Кирилл Ластовец

Консультант по крымско-татарскому языку Ридван Мамутов

© Кирилл Ластовец, 2018

ISBN 978-5-4493-9352-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Все кончено. Это конец моей истории, конец моей игры. Что это была за игра? У каждого в этом огромном, накрытом серой дождливой шапкой мегаполисе есть своя история. Большинство из этих историй начинались не с самых светлых моментов в жизни. Там, внизу, ходят миллионы человек. Ежесекундно подо мною проносятся мимо несколько миллионов судеб. Каждая из них индивидуальна, неповторима, уникальна. Есть такая история и у меня. Была ли она какой-то особенной? Нет, вряд ли. Вряд ли она чем-то особенным выделялась среди множества покореженных судеб этого города. В этом городе удивительнейшим образом переплетаются бесконечное число, казалось бы, невероятных историй: есть в нем и беженцы, удравшие от войн, покинувшие свои разрушенные поселения; и простые рабочие, прибывшие из бедных стран Средней Азии и перебивающиеся с копейки на копейку. Есть и преступники: воры, убийцы, экстремисты, террористы. Все они ведут свою тяжелую и непростую игру, порой жестокую. Но без жестокости в этих серых стальных джунглях мегаполиса никуда. Жестокость эта до банальности начинается с самых незначительных конфликтов на дороге и может достигать своего критического апогея в лице какого-нибудь смертника-фанатика, намеревающегося поднять на воздух ту или иную часть города. Многие со мной не согласятся, скажут, что я придумываю, что я чертов пессимист, что нет такого, и что здесь всегда царил братская атмосфера. И вот, что я скажу им, стоя на краю крыши двадцатипятиэтажного офиса: ничего они не знают! Они и малейшего представления не имеют о том, через что должен был пройти я, чтобы теперь вот так вот беззаботно стоять на ветру и глядеть вниз, где как на ладони передо мной лежит карта бесконечного, теряющегося за горизонтом города. На этой карте лежит вся моя жизнь. Я подобно Аллаху могу наблюдать за всем с высоты небес. И так же, как и он, буду вершить суд. В первую очередь над своей жизнью.

Холод пробирает меня. Но не из-за ветра, не из-за того, что нахожусь я на двадцать пять этажей над землей. Этот холод передается в мою ладонь от стали, от стальной, непреклонной и безучастной рукоятки пистолета. От кисти руки этот озноб пробирается все выше, к предплечью, и уже оттуда распространяется по всему телу. Очень тяжело пошевелить даже пальцем. Но сделать это я должен буду. Иного выбора у меня нет – там за спиной, на коленях стоит моя драгоценная спутница жизни и ожидает. Как же я хотел бы, чтобы не была она моей спутницей, чтобы не довелось ей пережить все те невзгоды со мной, чтобы не привел я ее туда, где мы находимся сейчас. Она ждет, и слезы замерли в ее глазах. Я должен спустить курок. Где-то там же за спиной, чуть поодаль, валяется и бездыханное тело моего лучшего друга. Он был действительно тем, кого я могу назвать настоящим братом. Это благодаря ему я стал тем, кем я стал. Благодаря ему я сумел выжить в этом сыром городе. Но теперь он мертв. Я лишился своего друга, своего брата. А мне было поставлено условие – я должен отпустить душу моей любимой женщины, иначе нас обоих ожидает незавидная участь. Я знаю, что назад пути нет. Я знаю, что я сделаю через минуту. Я знаю, что спустя шестьдесят секунд на этой крыше останется лишь один живой человек. У меня нет иного выбора – я должен это сделать, хотя и люблю ее безмерно. Всегда любил. Но так будет лучше для нас обоих, так будет лучше для нее. Я не хочу, чтобы она страдала и мучилась. Она не должна пережить все то, что ей уготовано.

Напоследок желаю лишь в последний раз прикоснуться к ее губам, ощутить вкус ее сладких уст, осознать, что больше никогда его не вкушу. С каждой секундой я начинаю все меньше и меньше колебаться в принятом решении. Я начал эту игру, я же и закончу ее. Для чего лишь была она? Чтобы понять это, у меня осталось шестьдесят секунд. Надо лишь вспомнить, с чего все начиналось...

Глава 1

Май 2014

На майские праздники погода после весенней оттепели уже полностью устаканилась. Солнце хорошенько прогрело землю за день, хотя до настоящего лета было еще около месяца. Лето я всегда любил больше всего. Кутаться в дождевики и мерзнуть под пасмурным небом не было моим любимым занятием. А зимы у нас в последнее время очень часто как раз такими серыми, удручающими и были. Снег с каждым годом выпадал все реже и реже. Последняя зима так вообще превратилась в мокрую осень. Но моя родина всегда ассоциировалась у меня именно с летним периодом. При слове «Крым» в памяти каждый раз всплывали яркие, солнечные эпизоды из беззаботного детства. Тогда вместе с отцом мы ходили в горы, он заводил меня на самую высокую вершину и моему взору открывались потрясающие виды на утопающий в зелени родной Бахчисарай, на бескрайние, поросшие сочными лесами горные долины, раскинувшиеся под чистейшим, синим небом. А где-то там, за горизонтом находилось море. Хоть и глаза мои его видеть не могли, но словно неким внутренним взглядом я ощущал, что оно там есть – глубокое и таинственное, сливающееся вдалеке воедино с небом. И казалось невозможным, невероятным мне тогда, что там, вдали, за морем была еще какая-то земля, что там тоже жили люди. И, быть может, даже в данное мгновение другой такой же мальчишка, как и я, вместе со своим отцом стоял на вершине другой горы и также глядел на нас, на купающийся в солнечных лучах Крым. Все свое сознательное детство я провел здесь.

Меня зовут Джелилов Карим Исметович. В этом году мне исполнилось восемнадцать, я доучивался одиннадцатый класс и готовился к экзаменам. Одним воскресным вечером мы с отцом возвращались на наших стареньких жигулях из Симферополя, где у отца на центральном рынке был свой лоток с овощами и фруктами. Я давно уже стал ему помогать. В очень раннем возрасте я осознал, что нужно зарабатывать деньги. Мы никогда не жили в большом достатке. Конечно имея частный дом со своими теплицами, небольшим виноградником и несколькими фруктовыми деревьями, мы голодными не оставались. Но я понимал, что так всю жизнь прожить не получится, что рано или поздно мне нужно было бы выпорхнуть из родительского гнезда и добиться в этой жизни чего-то самому.

Сумерки уже опустились на землю и то тут, то там на улицах Бахчисарая загорались фонари. Мы уже подъезжали к нашему двору. Еще два поворота и мы были у дома. Шины мягко прокатились по щебенке, и машина уперлась прям в крыльцо.

– Вот мы и добрались, балám!¹ – весело окликнул меня отец, возвращая на землю. Но меня словно гложило изнутри какое-то нехорошее предчувствие. Когда двигатель смолк, мы услышали доносящиеся из дома голоса и шум. Их было несколько.

– Нас грабят? – предположил я. – Но ведь анá² уже должна быть дома.

– Сейчас разберемся, – осторожно выходя из машины, сказал отец.

Мы, стараясь не издавать лишних звуков, прокрались в приоткрытую дверь дома. В коридоре было пусто, свет горел в зале. Оттуда-то и доносились голоса мужчин и... Без сомнения – мама была тоже там! Недолго думая отец вломился в комнату, но не успел он ничего предпринять, как на него тут же набросилось двое человек в форме. Отцу быстро скрутили руки и подвели к, видимо, старшему по званию. Кроме этих троих в комнате было еще человек

¹ Балám (от крымско-тат. *бала*) – дитя мое.

² Анá (крымско-тат.) – мать.

пять. Мама же, до этого тихо сидевшая на диване и почти неслышно плачущая, вдруг вскочила и бросилась к офицеру:

– Он ни в чем не виноват, отпустите его! Мы простые люди! – принялась она умолять, но немолодой мужчина оставался бесстрастен и безучастен.

– Джелилов Исмет Шевкетович? – сурово взглянул он на обездвиженного отца.

– Да. А в чем собственно дело господя? – папе удавалось в этой ситуации сохранять завидное спокойствие.

– Я – полковник ФСБ³, Захаркин Игорь Валентинович! – офицер почесал свой плешивый затылок и продолжил. – Вы задержаны по статье 222 УК РФ за незаконное приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов. В вашем доме был проведен обыск, в подвале была обнаружена новая партия оружия, которое вы намеревались передать террористической организации на территории Республики Крым. В связи с этим вы также будете обвинены и по статье 205.1 УК РФ за содействие террористической деятельности.

– Это какая-то ошибка, полковник! – удивленно уставился на мужчину отец. – В моем погребе отродясь ничего кроме закуток никогда не было!

Тут в зал вошли еще несколько человек с тяжелыми баулами.

– Товарищ полковник, это также было изъято из подвального помещения, – доложил один из них.

– Этого не может быть! – было видно, что папа уже начинает понемногу терять самообладание. – Это же подстава, начальник!

Полковник внезапно подскочил к нему, словно гепард:

– Наконец-то я тебя поймал, Хызыр-рейс, и сделаю все, чтобы ты не смог отвертеться от наказания! – сменил вдруг он официальный тон на фамильярный.

– Карета уже подъехала, товарищ полковник! – заглянул в комнату еще один из полицейских.

Уведите его! – буркнул Захаркин и неожиданно перевел свой взгляд на меня. Никогда еще в своей жизни я не видел таких злых, маленьких глаз, которые, казалось, сверлили меня насквозь

– Ты его сын?

– Д-да... – выдавил я из себя.

– Я проверю и тебя лично – не может такого быть, чтобы ты не был подельником своего папаши! – с этими словами он жестом приказал всем собираться. Со двора уже послышались звуки паркующихся машин. Мама неожиданно сделала отчаянную попытку броситься к отцу, но двое полицейских отстранили ее, и она упала на диван. Папу с заведенными за спину руками вывели из дома, словно какого-нибудь вора в законе. Уже стоя на крыльце и наблюдая, как моего отца грузят в карету, полковник Захаркин оглянулся, и мы вновь пересеклись взглядами. Я запомнил лишь его мерзкую ухмылку. Скоро все стихло, и последняя машина скрылась в облаке пыли.

³ ФСБ (Федеральная Служба Безопасности) – спецслужба России.

Июнь 2014

В девять часов вечера я покинул пыльный салон автобуса. Ноги и вся нижняя часть порядком онемели за несколько суток езды из Херсона. Позади остались болгарские курортные городки, солнечные виноградники Молдовы, выжженные южно-украинские степи и такой родной, уже далекий и недостижимый полуостров. Еще в понедельник я был там, ходил по улицам Бахчисарая, продолжал ездить торговать на рынок каждую субботу вместо своего отца, но в эту субботу я уже был в совершенно другой стране. Автовокзал Стамбула кишел толпами людей, толкающихся и куда-то спешащих среди лабиринтов из автобусов. Эта суматоха вместе с ярким светом фар и фонарей сбивала меня с толку, но я был рад, что теперь мог хотя бы вдохнуть свежего воздуха. Несколько дней назад я и представить не мог, что окажусь здесь. Я готовился к последним школьным экзаменам, когда мама вернулась с работы в магазине. Она была чем-то очень взволнованна.

– Карим, балám, кель!⁴ – позвала она меня, принявшись разбирать сумки на кухне.

– Селям, анám!⁵ Что-то случилось? – поспешил я к ней. В последний раз такой я ее видел несколько недель назад, когда арестовали отца. Ее руки тряслись, но она продолжала выкладывать покупки на стол. Увидев меня, она немного успокоилась и присела.

– Сегодня ко мне заходил Амет, старый папин друг. Помнишь его?

– Да, кажется, припоминаю, – это был невысокий пухлый пожилой опер из Симферополя, пару раз в детстве отец брал меня вместе с ними на рыбалку, но в последнее время они очень редко общались и я уже давно не видел дядю Амета.

– Он сказал, что сейчас о деле папы гудит весь Симферополь. Тот полковник, как его, Захаркин, кажется? Так вот он давно уже охотился на некоего торговца нелегальным оружием по кличке Хызыр-рейс. И теперь, взяв нашего папу, он его просто так не отпустит. О, бедный Исмет! Он будет давить до конца и посадит его надолго, – лицо мамы сделалось печальным как никогда прежде.

– Неужели ничего нельзя предпринять? Дядя Амет, он же работает в полиции, неужели он не может доказать, что папа невиновен? Ведь его подставили – это же очевидно! – негодовал я.

– Против Захаркин никто не пойдет, балám... Он из ФСБ, – вздохнула мама. – О нем ходит немало разговоров: при Украине он работал в СБУ⁶, здесь же, в Крыму. А когда пришла Россия, он быстренько перекрасился под ФСБ. Переметнулся и глазом не моргнул. Говорят, что он не знает ни чести, ни совести. И если он за что-то взялся, то восставать против него бессмысленно.

– Не переживайте так, анám, – я старался говорить как можно увереннее, – мы что-нибудь придумаем. Можно устроить протест, собрать всех наших...

– Нет! – резко отрезала вдруг мама. – Тебе нужно уехать, Карим! Амет рассказал, что полковник начал копать и под тебя – он пытается доказать, что ты помогал отцу в продаже оружия террористам. И зная полковника, Амет заявил, что у него это выйдет. Не найдя реальных доказательств, он сфабрикует их. Ты в опасности, Карим!

– Но что же делать? – небольшое тревожное чувство начало постепенно нарастать во мне. – Куда же мне уезжать, анám? В Севастополь, Ялту?

⁴ Балám, кель! (от крымско-тат. *бала́* и *кельмек*) – Дитя мое, подойди!

⁵ Селям, анám! (от крымско-тат. *селям* и *ана́*) – Здравствуйте, мама!

⁶ СБУ (Служба Безопасности Украины) – спецслужба Украины.

– Нет, нет, Карим... он тебя здесь везде найдет, из-под земли достанет... В Россию тебе тоже нельзя – ФСБ будет тебя искать и там, если объявят в розыск. В Украине сейчас непонятная ситуация, да и не к кому тебе там ехать...

– А как же Девлет? – вспомнил я своего старого друга и бывшего одноклассника, который уже несколько лет назад с семьей переехал в Киев.

– Балám, тебе нужно уехать туда, где тебя этот полковник точно не достанет. У меня есть брат – Энвер. Я не видела его пятнадцать лет, но периодически мы поддерживали связь. На него можно будет положиться. В девяностых годах он начал ездить в Турцию челноком, привозил сюда одежду, продавал. А потом решил переехать туда навсегда, ему предложили хорошую работу, с хорошим окладом. Семьи-то у него не было, терять ему было нечего, и он остался там, начал работать. Когда жизнь у него наладилась, и он встал на ноги, то начал иногда звонить нам с отцом. Он и ему предлагал приехать, попробовать. Говорил, что и для тебя найдется, куда себя применить, когда вырастешь. У меня есть даже его адрес где-то записанный, – мама подскочила и бросилась к холодильнику, с которого достала старый толстенный потрепанный блокнотик и принялась судорожно перелистывать его, то и дело смачивая пальцами пересохшие страницы. Наконец она остановилась и радостно воскликнула:

– Вот! И его телефон, и адрес!

В тот же вечер она принялась созваниваться с дядей Энвером. И вот спустя несколько дней я уже стоял на автобусной платформе Стамбульского автовокзала. И пытаюсь освоиться, искал, чем же добраться до родственника. Мама отдала мне практически все семейные накопления, чтобы купить билет на автобус из Херсона в Стамбул. Сейчас в кармане оставалось еще несколько долларов на такси. Я зашагал к выходу и не успел сделать и двух шагов, как словно из-под земли возникла желтого цвета машина с табличкой «TAXI» наверху.

– Куда поедешь, кардэчим?⁷ – крикнул мне бородатый водитель из прокуренного салона. Турецкий я понимал еще довольно плохо, но так как он имел много общих слов с моим языком, то мне не составило труда быстро сориентироваться. Закинув один единственный рюкзак на заднее сиденье и сев спереди, я вручил ему небольшой тетрадный листок с адресом моего дяди. Тот, отвесив мне турецкий «тамам»⁸, завел двигатель и выехал на залитые переливающимся светом ночные улицы огромного города. Никогда прежде мне не доводилось видеть такого масштаба вживую. Смотря тот или иной фильм, я всегда мечтал оказаться вместе с разгуливающим по мегаполису главным героем на том же месте, где и он, мечтал очутиться среди подобных каменных джунглей. Это все некогда казалось таким далеким и недостижимым, словно из другой реальности. А теперь вот я ехал в одном из желтых такси, подобном тем, которые так часто видел в кино, по широкой автостраде. Вокруг меня со всех сторон проносились яркие билборды, мерцающие рекламы, приковывающие к себе внимание с первых мгновений, высотные здания и небоскребы, искрящиеся лепящими цветами, словно новогодние елки. Сама же трасса, по которой мы уже мчали, тоже словно вводила меня в некий транс – навстречу друг другу с невероятной скоростью текли две яркие, светящиеся реки: красная и белая. И мы, сидя в этой машине, казались какими-то маленькими пещинками в этой бурной автомобильной реке. Скоро огни высоток остались позади, а передо мной выросло нечто вообще фантастическое и уму непостижимое – мы приближались к длинному высоченному мосту, который словно хамелеон переливался всеми цветами радуги. Я взглянул вниз и увидел, что мы проезжали над темно-синей морской гладью, покой которой нарушали бороздившие ее паромы и корабли, оставляя за собой пенящиеся белые следы.

– Это – Босфор! – гордо, словно это было неким его личным достоянием, заявил водитель, заметив, как я замороженно прилип к стеклу. Бездонная глубина, беспроглядная тьма

⁷ Кардэчим (тур. *kardeşim*) – брат (к младшему по возрасту).

⁸ Тамам (тур. *tamam*) – хорошо, ладно.

водной массы как будто затягивала меня в свои пучины. Но от моих эмоций меня вновь оторвал мой спутник.

– А теперь мы уже приближаемся к Азии, – объявил он.

Подумать только, в тот момент я находился между двумя континентами, между Европой и Азией! И эти несколько минут ощущались так, будто я завис между двумя мирами на несколько часов. Подняв свой взгляд от морских глубин, я был накрыт очередной волной неподдельного ликования – береговая линия города, как на европейской, так и на азиатской стороне пестрила золотистыми огоньками. Высокие минареты мечетей горели подсветками и создавали некое волшебное ощущение восточной сказки. Азия тем не менее мне показалась более тихой и спокойной – не было уже того кипиша, того головокружительного движняка, что по ту сторону Босфора. Чем дальше мы отдалялись от моста, тем все более мои глаза начали успокаиваться, а сердце перестало безудержно колотиться в груди. На часах магнитолы показывало пол одиннадцатого вечера. Мы зарулили на тихую уютную улочку, по обе стороны которой располагались невысокие четырехэтажные квартирные дома.

– Добро пожаловать в Стамбул! – подмигнул мне водитель, когда я, рассчитавшись, выгрузился из машины. Через минуту желтый автомобиль свернул за угол, и на улице вновь воцарилась тишина. Я подошел к подъезду и принялся изучать домофон. Мой дядя жил в шестой квартире, я нажал на кнопку. Вскоре на том конце кто-то снял трубку, хрипло кашлянул и входная дверь отворилась. В подъезде оказалось по две квартиры на этаже. По винтовой лестнице я добрался на третий этаж. Меня уже наверняка ждали – квартирная дверь была приоткрыта, и на пороге стоял высокий мужчина сорока лет с острым носом и двухдневной щетиной. Это было первым, что мне бросилось в глаза тогда.

– Твоя мама предупредила меня, Карим! – улыбнулся мужчина.

– Селям алейкум, дайы!⁹ – хоть я совсем и не знал этого человека, но что-то родное в нем ощутил. В памяти вдруг возник тот взгляд, которым всегда глядел на меня кьартбаба¹⁰, мамин отец. Что-то общее было во взгляде дяди Энвера и давно покойного деда, которого я очень любил.

– Алейкум селям, Карим, заходи! – крепко обнял он меня и пригласил в дом. Квартира его была скромной, но просторной – кроме кухни и зала имелись еще две спальные комнаты. Порядка особого я не наблюдал, но оно и понятно – все же он жил один, как говорила мама, по-холостяцки, и женщины в доме не было.

– Сейчас чай поставлю, – протрубил он своим басом, – а ты пока раздевайся, мой руки. Ванная вон там, – махнул он рукой на одну из дверей в прихожей и скрылся на кухне. – Чувствуй себя как дома, – донеслось оттуда.

Я последовал его словам и, сняв верхнюю одежду, направился в ванную. Голова еще немного кружилась после чересчур насыщенного путешествия по улицам вечно бодрствующего города. Намочив лицо прохладной водой, я взглянул в свое отражение в зеркале. Мне на мгновение показалось, будто что-то переменилось во мне. Хотя дело, скорее всего, было в моем помятом утомляющей дорогой лице и лохматых, стоящих колом волосах. Под глазами стояли синяки – бессонные ночи в автобусах давали о себе знать. Желудок урчал, словно оправдывая мою шуплость. Напоследок я еще раз посмотрел на себя и ухмыльнулся – даже не верилось, что вся прошлая моя жизнь осталась позади. Не мог я тогда еще осознать того, что, возможно, назад мне уже пути не было. Еще вчерашний школьник я оказался в совершенно новом мире. Незнакомом мне, чужом и неизведанном. Ужасно хотелось спать, просто завалиться на кровать и погрузиться в глубокий сон. Я был рад, что и дядя Энвер сам уже

⁹ Дайы (крымско-тат.) – дядя.

¹⁰ Кьартбаба (крымско-тат.) – дедушка.

периодически зевал, потому мы быстро попив чаю с печеньками и даже практически ни о чем не говоря, направились по постелям.

– Завтра утром мы решим, что с тобой делать, а пока – спать, – сонно заявил дядя и, проведя мне краткий инструктаж, удалился в свою спальню.

Утром я проснулся довольно рано – дядя Энвер еще не поднялся. Всю ночь я спал как убитый, отрубился практически сразу. Я встал и решил немного расходиться. Мне не терпелось взглянуть на этот город теперь при свете дня. Я подошел к окну и распахнул его, в комнату тут же ворвался свежий летний воздух. Только начинало светать и было даже слегка зябко. Поежившись, я попытался взглянуть в туманные очертания улицы, но из моего окна вид открывался только лишь на здание напротив. Откуда-то снизу потянуло запахом свежеспеченного хлеба, обитатели этого райончика только-только начали выползать на улицы. Внезапно всю округу разразил зычный мужской крик. Я даже было подумал, что кто-то попал в беду, но прислушавшись, я понял, что мужчина кричал что-то о старых вещах. Вскоре в подтверждение моим догадкам на улице показался и сам кричащий. Он подобно спокойному кораблю монотонно выплывал на возвышенную часть дороги. Еще вечером я заметил, что рельеф Стамбула был далеко не ровным, потому многие улицы петляли и то поднимались вверх, на холмы, то вновь спускались вниз. Вдруг за спиной раздался стук и дверь спальни приоткрылась.

– Ты уже не спишь? – услышал я еще полусонный голос своего дяди.

– Доброе утро, дайы!¹¹ Нет, что-то я прямо хорошо выспался, чувствуя.

– Это хорошо... Ну тогда пошли кахвалтышку¹² делать!

– Что? – немного растерялся я, не сразу поняв, что он имел в виду.

– Завтракать пошли, говорю! – приободрился дядя и скрылся в коридоре. Я второго приглашения не ждал – пустой желудок вновь дал о себе знать. Быстро одевшись и умывшись, я пришел на кухню, где уже во всю орудовал дядя Энвер. В помещении стоял такой аппетитный запах яичницы, что слюнки было сложно сдерживать.

– Сегодня нам предстоит великий день! – заметил меня дядя. Мне было по душе, что он пребывал в превосходном расположении духа. Я очень не хотел быть обузой для него, племянником, которого он в последний раз видел еще младенцем и которого теперь должен был приютить у себя. Никогда не любил я ощущать, что кому-то было в тягость возиться со мной.

– Может вам помочь, дайы?

– Не стоит, сейчас отведаешь менемен! – подмигнул он мне. – И да, называй меня просто Энвер-аби¹³, особенно при посторонних.

– Яхши¹⁴, дайы, – запнулся я, – то есть, аби.

– Ну вот менемен почти готов! – воскликнул дядя, раскидывая блюдо по тарелкам. Пахло довольно аппетитно, а на вид оказалось не очень. Это было что-то наподобие омлета, перемешанного с тушеными помидорами, перцем и сыром. Но слюнки от запаха потекли, и я присоединился к дяде, который уже уселся напротив меня и принялся уминать за обе щеки завтрак, или как он выразился «кахвалтышку».

– Ну рассказывай, племяш, что там у вас произошло! Твоя мама звонила пару дней назад, предупредила, что ты приедешь, но не захотела по телефону рассказывать подробностей. Так что теперь тебе отдуваться за все!

¹¹ Дайы (крымско-тат.) – дядя.

¹² Кахвалтышка (сленг. от тур. *kahvaltı*) – завтрак.

¹³ Аби (тур. *abi*, *ağabey*) – брат (обращение к старшему по возрасту).

¹⁴ Яхши (крымско-тат.) – хорошо.

Я проглотил большой кусок омлета и принялся рассказывать ему все то, что приключилось с нашей семьей за последний месяц. Поведал о том, как мы с отцом, вернувшись с базара, застали дома около дюжины полицейских вместе с ФСБшниками и возглавляющего их полковника Захаркина; как тот сфабриковал дело против моего отца, оклеветав его контрабандистом оружия Хызыр-рейсом; и как решил затем взяться и за меня.

– Дела-а... – задумчиво протянул дядя, – и что это ему от вас понадобилось, от простой рабочей семьи? Может у него зуб какой на твоего отца есть?

– Не знаю, аби. Мы люди маленькие, нигде не встречали, ни во что не ввязывались, жили себе спокойно, виноград выращивали и продавали.

– Но теперь тебе дорога на родину пока заказана, – заключил дядя и поднялся налить себе уже заварившегося чаю.

– Я не знаю, что будет дальше, куда мне идти, чем заниматься... Меня словно отправили в изгнание...

– Не падай духом, Карим, что-нибудь да придумаем, – казалось, дядя никогда не унывал и ничто не могло его смутить. – У меня есть один друг – Асматулла, он – уйгур, держит небольшой уйгурский ресторанчик в районе Аксарай. Сегодня съездим туда. Я думаю, договоримся и на первое время пристроим тебя. А там видно будет. Правда это в европейской части, далековато будет. Но пока это единственное, что пришло мне в голову.

Не таким я представлял себе поход на свое первое собеседование по работе, но выбирать и вправду было не из чего. Хотя, от мамы я слышал, что дядя Энвер уже давно устроился на какую-то неплохую должность. Вряд ли он подрабатывал официантом в кафешке. Я только не знал, как бы у него покультурнее об этом спросить или намекнуть. Но слова как-то сами вырвались из рта:

– А с вами можно поработать?

Дядя вдруг резко переменялся в лице и как-то странно замотал головой, словно побаивался чего-то:

– Н-нет, не стоит, не думаю, что тебе стоит... – отпил он горячего чая из стаканчика и, обжегшись, воскликнул. – У нас сейчас нету свободных вакансий, к сожалению, – оставив чай, дядя быстрым шагом направился в прихожую. Дожевав свой омлет, я последовал за ним.

Своей машины к моему удивлению у дяди не было, поэтому тем же утром он познакомил меня с общественным транспортом Стамбула. Как оказалось, его апартаменты (а так здесь называют не одну какую-то квартиру, а целиком квартирный дом) находились недалеко от автобусной остановки Бааларбаши. При дневном свете город выглядел уже совсем иначе – не было тех мигающих и светящихся красок со всех сторон, все казалось каким-то более спокойным. В автобусе стояла невыносимая жара, и когда мы наконец покинули его на конечной остановке у набережной Ускюдар, я с облегчением вдохнул морского воздуха. Но, чтобы добраться до кафешки Асматуллы-бея¹⁵, нам необходимо было еще пересечь на метро.

– Сейчас поедем под водой, – заметил дядя, когда мы начали спускаться на эскалаторе вниз, – под самим Босфором.

Я даже и представить себе не мог, что такое бывает! Что люди додумались и сумели построить метро под огромной толщей воды, под проливом, который вчера, отражая ночное небо, казался бездонной черной дырой. Хотя я и слышал о тоннеле Ла-Манш, соединяющем Англию и Францию, но не мог поверить в то, что сам с минуты на минуту окажусь в подобном тоннеле. Однако во время самого переезда между станциями на азиатской и европейской

¹⁵ Бей (тур. *Beu*) – вежливое обращение к мужчине в Турции (по аналогии с рус. *Господин* и англ. *Mr.*).

сторонах Босфора я к своему разочарованию ничего особенного не почувствовал: за окном вагона все также, как и в любом другом метро, проносились темные пошарпанные бетонные стены. И ощущения того, что я несколько минут находился на самом дне пролива, что надо мной находилось несколько сотен метров воды, этого не было.

Путь от метро к ресторанчику оказался совсем близким, и уже через десять минут мы были там. Про себя я отметил этот плюс.

– Добрый день! – первым подал голос мой дядя, – Асматулла-бей здесь?

– Да, сейчас позову его, – ответил ему юноша-официант явно уйгурской наружности. Я проследовал за своим дядей к одному из столиков. Спустя пару минут откуда-то снизу, с минус первого этажа, появился тот самый старый приятель дяди.

– Энвер! – обрадовался тот и тут же заключил дядю в объятия. – Давно же ты не захаживал к нам!

– Селям, áби! Да что-то времени как-то не выдавалось, дела...

Затем наступил и мой черед жать пухлую руку хозяина кафешки.

– Это – Карим, мой племянник, – представил меня дядя, когда они уже опустили на стулья.

– Приятно познакомиться, Асматулла-бей, – улыбнулся я. А старый дядин друг тем временем попросил принести нам чаю.

– Ну, рассказывай, как ты, как дела идут? – тучный уйгур уставился на дядю своими раскосыми глазенками.

– Работаем, дела идут, продажи в последнее время пошли в гору.

– А у нас, как видишь, пока не особо с посетителями.

– Да ничего, закончится лето – приедут студенты, и опять будут толпами к тебе за самсой и лагманом ходить. Лучше тебя их все равно здесь никто не делает! – был весел дядя.

– А ты что же, соскучился по самсе, что решил заглянуть ко мне?

– Самсы-то да – я давно уже не ел, можно и заказать парочку! – загорелись глаза у моего дяди. Но я пришел поговорить по поводу моего племянника, – посерьезнел вдруг он.

– Я слушаю, – оценил меня взглядом уйгур.

– Карим попал в очень непростую ситуацию: только вчера он приехал из Крыма, вернее бежал оттуда. Его отца арестовали, подозревают, что он снабжал оружием определенные радикальные группировки, – вдруг резко понизил голос дядя. – Они считают, что его отец – Хызыр-рейс, – брови уйгура, как только он услышал это имя, тут же поднялись. В это же время подошел молодой парень-официант и подал уже разогретую самсу.

– Ты хочешь сказать, кардэшим¹⁶, что ты сын Хызыра? – переметнул он свой пронзительный, недоверчивый взгляд на меня.

– Нет, этого не может быть, – запротестовал дядя, – я знаю Исмета, его отца, всю жизнь – он простой работяга, никогда дальше базара и своего лотка с овощами не выходил.

– Все это, конечно же, печально, – уйгур откинулся на спинку стула и, мне показалось, что теперь он уже расслабился. А я, избавившись от его дискомфортного взгляда, откусил самсу, ароматная, горячая мясная начинка которой приятно растеклась по моему рту. Утренняя яичница уже давно переварилась, и желудок требовал очередной подпитки.

– Подозрения пали и на Карима, его считают подельником Исмета. Поэтому он и бежал из Крыма, – сделав паузу, дядя продолжил. – Я оказался его единственным родственником за границей, вот так он и очутился в Стамбуле. Теперь ему нужно начинать новую жизнь, назад вернуться он уже не сможет, он должен начать осваиваться здесь. Я подумал, что было бы неплохо, если бы ты смог пристроить его кем-нибудь к себе – пускай хотя бы полы моет или посуду.

¹⁶ Кардэшим (тур. *kardeşim*) – брат (к младшему по возрасту).

– Хм-м, – Асматулла-бей почесал свой пухлый, гладко выбритый подбородок, – по старой дружбе я, конечно, помогу твоему племяннику. Лишние две руки мне не мешают, но не на кухне. Будешь официантом, – посмотрел он на меня, – справишься?

– Думаю да, Асматулла-бей.

– Тогда я оставляю пацана на тебя, – поднялся дядя, – мне нужно сегодня съездить на встречу.

– Конечно, я введу его в курс дела, – старые товарищи попрощались. Дядя поблагодарил уйгура за вкусную самсу, которая и впрямь была божественна, особенно после нескольких дней скудного дорожного рациона. Перед уходом он объяснил мне, как доехать обратно, и дал немного денег на проезд.

– Ну пошли, Карим, познакомлю тебя с остальным персоналом, – приободрил меня хозяин ресторанчика, и я последовал следом за ним, спускаясь по винтовой лестнице на подземный этаж. Там располагалась кухня. Асматулла-бей представил меня всем официантам, которых было пятеро, все парни. Затем я познакомился с женщиной, варящей плов – она была единственной поварихой на кухне и, по всей видимости, женой хозяина.

– А это – Сафие, – сказал уйгур, подведя меня к последнему человеку, присутствовавшему на этой кухне, – я думаю, тебе будет интересно с ней познакомиться.

– Карим, – кивнул я ей. Девушка тут же подняла свои карие, такие детские глазки на меня и я сумел разглядеть ее милое личико.

– Очень приятно! – она скромно улыбнулась и продолжила мыть посуду.

– Ты тоже из Крыма? – догадался по ее имени я. – Давно ты здесь?

– Да, я полгода назад приехала, – девушка, по всей видимости, была рада видеть во мне своего соотечественника. То и дело поглядывая на меня, она продолжала беседу:

– А ты учишься здесь?

– Нет, я вот только вчера приехал, – на мгновение мне стало отчего-то неловко, что я не сумел похвастаться тем, что я студент. Я всегда мечтал выучиться и получить высшее образование, но теперь мне это никак не светило – теперь мой жизненный путь начинался с разноса тарелок клиентам. Однако Асматулла-бей не дал нам более возможности поговорить и принялся объяснять все устройство кухни и то, как у них все тут работало. Я старался запоминать все, что казалось мне важным. Как-то не хотелось оплошать в первый же день и чего-то напутать.

Весьма быстро произошел в моей жизни этот переход от вчерашнего школьника, к теперь уже работнику. Прежде я думал, что буду совмещать будущую учебу в универе вместе с подработкой. Я собирался поступать в Киев на информационные технологии, хотел заниматься программированием. Но сейчас я осознал, что теперь оказался я очень далеко от той мечты. Первый рабочий день начал сумбурно протекать перед моими глазами: я бегал от столика к столику, принимал и записывал заказы, потом спускался вниз на кухню и передавал их Гюльмире-ханым, нашей поварихе, брал другие уже готовые блюда и возвращался в зал. И так по кругу, пока где-то ближе к вечеру я не подошел к очередному столику, будучи уже порядком подуставшим. За ним сидели девушки. Их было трое и они говорили между собой по-русски. Впервые за этот день в кафе зашли русскоговорящие клиенты. Две из них были, очевидно, казашками, как я мог судить по чертам их лица. Третья же сидела ко мне спиной, когда я направлялся к ним, ее внешности разглядеть сразу мне не удалось. Но когда я поравнялся с ними, то на какое-то мгновение мне показалось, что я залип на нее. Пока другие две девушки делали заказ и что-то говорили мне, я не мог оторвать своих глаз от бесподобной красоты этой брюнетки с зелеными глазами. Наконец и она удосужилась поднять свой взгляд и обратилась ко мне. Я засуетился и принялся судорожно записывать ее заказ. Рука предательски дрожала, из-за чего у меня получились какие-то непонятные закорючки на листке, а я стоял над ней и глупо улыбался. Никогда я еще в своей жизни не встречал чего-то подобного. Аромат ее духов будо-

ражил мое сознание, и мне так захотелось вдруг уткнуться в ее волнистые каштановые волосы. В здоровое сознание меня вернул ее мягкий голос:

– Молодой человек, вы все записали?

– Д-да, да, конечно, – засуетился я.

– Ну, тогда идите, что вы стоите, отнесите наш заказ!

Я резко развернулся и направился к кухне, за моей спиной раздался девичий смех ее подруг. Это было какое-то странное ощущение – прежде мне доводилось встречаться с девушкой, но тогда я за весь период не испытывал таких чувств, которые нахлынули на меня сейчас за одну минуту. Эта незнакомка была настолько внешне утонченная, что казалась мне такой хрупкой, беззащитной. Мне отчего-то вдруг захотелось стать ее защитником в этом большом городе, в котором я и сам пока находился на птичьих правах, без года неделю. В тот вечер, возвращаясь после своего первого рабочего дня домой, я не переставая думал о ней. Почему я не спросил, как ее зовут? Дурак! Я мог лишь надеяться, что когда-нибудь она вновь придет в наше кафе. От нахлынувших эмоций я даже было на какое-то время позабыл о той непростой ситуации, в которой теперь оказался.

Ресторанчик закрылся в десять часов вечера, и когда я выходил из него на улицу, там было уже темно. Город вновь зажегся миллионами ярких огней. Начиналась ночная жизнь Стамбула. Но мне в тот момент больше всего хотелось поскорее добраться домой. Это был мой первый раз, когда я должен был сам сориентироваться в мегаполисе. Дядя, конечно, объяснил мне, как добраться до метро через несколько дворов. Да и память у меня было отличная. Единственное, что при ночном освещении эти улицы и проулки казались какими-то незнакомыми и одинаковыми. Никогда не любил оказываться в незнакомом месте в темное время суток. Днем я бы без проблем выбрался, наверное, из любой, самой отдаленной точки города, но в темноте, при свете одних лишь фонарей, я начинал чувствовать себя отчего-то неуютно. Да и район этот, в котором находилась кафешка, сейчас казался каким-то мрачным и холодным, несмотря на все еще прогретый солнцем воздух. Улочка сменялась улочкой, за одним двором следовал другой точно такой же двор, но метро все не виднелось. Впрочем, как и любых других признаков цивилизации. Дома вокруг все стояли какие-то серые, старые и обшарпанные, кое-где – даже разрушенные (видимо эти были под снос). Зашел я уже в такие дебри, где практически не встречалось ни одного прохожего. Наконец, завернув за очередной поворот, я услышал какие-то голоса. Их было несколько, и я обрадовался, что наконец повстречал хоть одну живую душу. Я попытался вслушаться – нет, это был не уже ставший привычным моему уху турецкий язык, похожий на мой родной. Компания людей, мимо которых я проходил, говорила на неизвестном мне языке. На арабский это тоже похоже не было – его я хоть и не знал, но отличить мог бы. Неожиданно один из них повернулся ко мне и громко уже на турецком языке крикнул:

– Кардэшим¹⁷, подойди-ка!

На какой-то момент внутри меня все оборвалось. До меня быстро дошло, что я оказался в не совсем выгодной для себя ситуации.

– Сигареты есть, кардэшим? – человек шесть уже направлялись ко мне медленной, уверенной поступью, подобно хищникам, собиравшимся вот-вот схватить добычу.

– Нет, не курю, – сухо ответил я и попытался продолжить свой путь.

– Постой, постой! – окликнул меня вдруг другой парень. Я собрался было рвануть вперед по улице, которая через метров сто упиралась уже в какую-то освещенную площадь. Но тут же резко меня кто-то развернул за плечо, и я оказался нос к носу с группой гопников, которые, воспользовавшись моим замешательством, уже окружили меня. Драться мне было не впервой, и я напряг весь свой корпус, будучи готовым к неожиданным выпадам с их стороны.

¹⁷ Кардэшим (тур. *kardeşim*) – брат (к младшему по возрасту).

– Мы же культурно попросили у тебя прикурить, а ты разворачиваешься и уходишь, – заявил один из них на турецком языке, но с заметным слегка неразборчивым акцентом. Стоявший за моей спиной вдруг бесцеремонно толкнул меня в плечо. Такого терпеть я не мог, я всегда был очень легко воспламеняем. Резко обернувшись, я с разворота заехал ему по лицу, обидчика откинуло назад. Не мешкая и не ожидая очередного «приглашения», я тут же нанес удар по ребрам второму гопнику. Внезапно другой их приятель захватил меня сзади за шею локтями, но несколько лет посещения борцовской секции в школе не прошли даром. Быстрым движением мне удалось перекинуть его через плечо, и тот грохнулся прямо на асфальт спиной. Но неожиданно я получил душасший удар в солнечное сплетение, и затем кто-то огрел меня чем-то тяжелым по левому уху. На какое-то мгновение уши заложило, и я упал на колени. Тем временем один из них достал нож и замахнулся, чтобы ударить меня в живот. К этому я готов не был. Вдруг раздался выстрел, чей-то пронзительный крик, один из нападавших выругался, затем прозвучал еще один выстрел и гопники резко рванули во дворы.

Стрелявший человек показался из темноты и поспешил ко мне. Подбежав, он протянул руку.

– Живой? – заботливо поинтересовался он.

– Да... – отдышался я и поднялся с его помощью, – спасибо.

– Тебя как зовут? – спросил неизвестный, пряча пистолет под куртку, за ремень джинсов. – Иностранец что ли? – заметив мое замешательство, уточнил он. По его акценту мне показалось, что и он не был турком.

– Карим, я – крымский татарин.

– Так ты наш выходит! Какое совпадение! У тебя необычное имя для крымского татарина.

А я – Ильяс.

– Карим с арабского значит «щедрый». А откуда у тебя пушка? – такое стечение обстоятельств казалось мне просто невероятным.

– Я живу здесь недалеко и не первый год. Это были курды. Они частенько здесь гоп-stopят. Поэтому я давно уже хожу домой с пистолетом.

– Ты подстрелил одного из них? Я слышал крик.

– Это – травмат. Да и целюсь я всегда по ногам. Ты-то куда направляешься?

– К метро. Заблудился вот, – я начал уже потихоньку приходить в себя и в глазах перестало двоиться после тяжелого удара по голове.

– Так и быть, я провожу тебя. Тут в принципе недалеко – ты не дошел самую малость. Вон на той освещенной площади, где улица кончается, и находится спуск.

Мы двинулись на свет. Хоть по моему выражению лица этого было и не видно, но я действительно был рад этой случайной, но во время произошедшей встрече. Вдвойне был я рад тому, что мой спаситель оказался тоже из Крыма. Драться мне приходилось не впервой, но эти курды оказались не просто хулиганами, а прямо настоящими отморозками, к тому же с ножами и, одному Аллаху известно, чем еще, в своих карманах. Весело прошел мой первый денек, ничего не скажешь.

– Ты недавно приехал, вроде бы? – вновь заговорил мой спутник.

– Да, только вчера вечером. Еще не успел освоиться даже, а Стамбул меня уже встретил своим гостеприимством, – усмехнулся я.

– И что ты забыл в такое время в этом районе? Ты где живешь? – Ильяс, видать, хотелось побольше пообщаться с земляком.

– Я здесь работаю, в уйгурской кафешке, а живу я в азиатской части... Бааларбаши кажется, – попытался вспомнить я.

– Далековато! – присвистнул Ильяс. Тем временем мы уже очутились у спуска в метро.

– Ты, кстати, заходи если что. Угощу тебя самсой. Спасибо еще раз, что вступился. Ведь мог и мимо пройти.

- Да не за что! – улыбнулся парень. – А кафешку я здесь знаю эту, зайду обязательно!
- Ну, пойду тогда я, а то поздно уже. Рад был познакомиться с тобой, Ильяс!
- Увидимся еще!
- Давай! – мы обменялись рукопожатиями, и я, ступив на ступеньку эскалатора, поехал вниз, скрываясь под землей.

Глава 2

Сентябрь 2014

Где-то около трех месяцев назад я начал работать в кафешке Асматуллы-бея. За это время я, как мне казалось, уже почти полностью освоился в этом никогда не спящем большом городе. Каждый день я ездил из одной его части в другую, из Азии в Европу и обратно. Никогда бы раньше не подумал, что буду об этом вот так вот просто говорить, как бы промежду прочим – о путешествии между двумя материками. Это стало настолько обыденным, что практически уже и не ощущалось чего-то увлекательно в этом. Район, где мы жили с дядей, Бааларбаши, был тихим и спокойным. Тот же, где была моя работа, напротив – шумным и перегруженным. В течение дня его многолюдные улицы невозможно было наблюдать пустыми. Все время огромные потоки людей курсировали по нему в самые различные стороны. На дорогах стояли извечные пробки. Но я привык ко всему этому – пацан, который кроме двух самых что ни на есть обычных украинских городов ничего в своей жизни более не видел, теперь чувствовал себя как рыба в воде в этом чуждом и ином мире. Но я понял, что мне оставалось только ассимилироваться, мимикрировать в этом огромнейшем улье, где каждый знал свое место, каждый член этого стамбульского роя каждое утро и каждый вечер двигался только по одной единственной заданной траектории. То, что со стороны казалось хаосом, на самом деле было четко слаженной и отрегулированной системой. И теперь я стал частью ее, еще одним винтиком в ее четко работающем механизме.

Траектория Ильяса после моего спасения тоже поменялась. Он частенько захаживал вечером после работы в наш ресторанчик покушать самсы. У меня появился хороший собеседник. С моими коллегами-уйгурами особо дружеских отношений у меня не складывалось. Они просто были другие, на своей волне. Ильяс же был интересным человеком, он стал вторым после дяди, кто меня всему обучил в этом городе. Когда у меня выпадали выходные, мы частенько садились в метробус (это вид транспорта, объединяющий в себе как свойства метро, так и автобуса – внешне это был автобус, но передвигался по трассам он на своей, отдельной огражденной полосе прямо по середине дороги, что позволяло ему не стоять в пробках), затем мы выходили на первой попавшейся остановке и начинали изучать тот район. Это было интересным занятием, которое помогло мне освоиться в городе.

Как я узнал, отец Ильяса тоже был в Стамбуле и вместе с ним Ильяс и работал. Тот был челноком – имел свой тряпичный магазинчик на вещевом рынке в Симферополе, но по большей части находился во втором магазине, в Стамбуле. Так вышло, что наши с Ильясом отцы оба занимались торговлей. И в этом мы были похожи с ним – как и я когда-то, он помогал своему отцу, был его правой рукой.

Та девушка, незнакомка небесной красоты, за все эти два месяца еще пару раз захаживала к нам, но я так и не решился даже узнать ее имени. Да и она не обращала на меня большего внимания, чем просто на мальчика-официанта. Она, наверное, была студенткой, училась в каком-нибудь престижном универе, собиралась строить карьеру. Да и одевалась она вроде как небедно, я не сомневался в том, что она из семьи с достатком. Какое ей было дело до меня – пока бесперспективного юноши восемнадцати лет, понятия не имеющего о том, что будет дальше в его жизни, что будет после этой кафешки?

Но сегодня вечером я возвращался с работы таким воодушевленным как никогда. И причина крылась вовсе не в том, что на следующий день у меня должен был быть выходной. Это конечно не могло не радовать, но не так, как то, что еще ожидало меня завтра. Я не мог не поделиться этим со своим единственным близким другом здесь. Миновав несколько затемненных

дворов, я остановился у подъездной двери. Лампочка не горела, но я был здесь уже не первый раз, и без труда нащупал нужную кнопку домофона. Темные подворотни Аксарая, района где находились апартаменты Ильяса, тоже более не смущали меня. Дверь разблокировалась, и через минуту я уже, проскочив несколько ступеней, оказался на пороге его квартиры.

– Селям, брат! – хозяин дома не заставил себя долго ждать и после крепкого рукопожатия и похлопывания по спине пропустил меня внутрь. – Ну рассказывай, как что, как сам?

– Ты один?

– Да, бабáшка¹⁸ сегодня на складе всю ночь будет занят, пересчитывают новую партию. А что?

Разувшись, я проследовал в гостиную и уселся на ковер, облокотившись на диван. Ильяс пошел наливать чай.

– У меня офигенные новости! – начал я, когда он вернулся с двумя стаканчиками, из которых валил пар.

– Что случилось, братан? Рассказывай давай! – расположившись напротив меня, скрестив ноги, он внимательно принялся слушать то, чем мне не терпелось поделиться.

– В общем, – я отхлебнул чая и тут же сморщился, обжегшись кипятком, – сегодня она опять приходила!

– Ха-ха, ты все не моешь выкинуть ее из головы, брат?

– Каждый раз, как она появляется, я только и мечтаю о том, чтобы приобнять ее, прижать к себе, уложить ее головку себе на грудь, – мечтательно пролепетал я.

– По-моему, она не твоя, не та, которая была бы тебе идеальной парой, – заключил Ильяс.

– Почему ты так думаешь?

– Видел я ее пару раз в кафешке, не знаю, не понравилась она мне. Пока ты с заказами бегал, я слышал, о чем она с подругами разговаривала – пустые бабские сплетни. И понты, много понтов...

Но я Ильяса не слушал, мое сердце выпрыгивало из груди, трепетало при одной лишь мысли о ней. Мне не казалось, что она была пустышкой. Просто, видимо, не нашелся еще тот, кому она смогла бы открыть свой внутренний мир. Я перебил друга, так как уже желал перейти к самой главной новости:

– Я сегодня заговорил с ней. И она обратила на меня внимание!

– О-о-о! Красавчик, братан! – ободрительно протянул Ильяс.

– Короче, ее зовут Сусанна. Она – крымская татарка тоже! Представляешь?! Работает манекенщицей, тут неподалеку, в районе Лалели, в бутике.

– Ну, с ее внешностью я предполагал, что она занята в чем-то околomodельном.

– Я пригласил ее завтра погулять вместе, – выстрелил я последнюю свою новость и запил чаем.

– Так ты вообще делаешь успехи, Карим!

– Вот только идти-то мне не в чем. Я подумал, может сможешь одолжить мне на день свое то пальто? – я и сам давно мечта обновить сой гардероб, прикупить красивых вещей, а то последние месяца три ходил практически не вылезая из футболки, джинс, кроссовок и легкой куртки по вечерам. Но денег хватало пока только на поесть и на проезд.

– Да без проблем, братан! – Ильяс пулей устремился в свою комнату и через пару минут вернулся с несколькими вешалками в руках. – Ну, что, примеряй! – бросил он на диван пару цветных рубашек, черные вельветовые джинсы, тройку модных галстуков и собственно само пальто. Благодаря тому, что его отец занимался как раз одеждой, у Ильяса всегда были хорошие и недорогие вещи. Я выбрал темно-синюю рубашку и узкий гармонирующий галстук. Спу-

¹⁸ Бабáшка (сленг. от крымско-тат. *баба*) – папа.

стя пять минут я уже стоял посреди комнаты носками на ковре, натягивая последнюю деталь наряда – серое, элегантное пальто до колен.

– Ах-ха-ха! Ты прям вылитый жених! Она вся растает от тебя, братан!

– Ну что, норм? – неуверенно осмотрел я себя.

– Вообще класс! Просто непривычно тебя видеть в таком прикиде.

– Спасибо тебе больше, сагь ол¹⁹, – я принялся переодеваться обратно в свою одежду. –

Ну я наверное должен уже идти, – взглянул я на часы, натянув футболку.

– Бир шей дегиль²⁰, брат! Слушай, можешь остаться на ночь, если хочешь. Вы где договорились встретиться и когда?

– Здесь у метро Йеникапы в десять утра.

– Ну все тогда, оставайся, завтра сразу сутра пойдешь туда.

– Правда? – Ильяс кивнул.

Я был очень рад такому предложению, так как не хотелось уходить. Я итак мало с кем общался, а тут представилась возможность за весь вечер наговориться с другом или заказать пиццу и залипнуть вместе в какой-нибудь фильм. На следующее утро я нарядился, брызнулся духами, которые мне тоже подогнал Ильяс и, заняв у него лир двести, я отправился на свое первое свидание в Стамбуле. Как назло я был на нуле в конце месяца, а Сусанну надо было куда-то сводить, посидеть в каком-нибудь милом месте. Но Ильяс еще раз показал, что был настоящим другом с большой буквы и выручил меня и в этом.

На улице было свежо. День выдался пасмурным, но это не могло омрачить моего ликующего настроения. По пути я прикупил скромный, красивый букетик и уже стоял у спуска в метро, ожидая ту самую девушку моей мечты, которую два с лишним месяца боялся пригласить на свидание. Боялся услышать отказ из ее уст, но сейчас, спустя несколько минут, я должен был стать самым счастливым человеком на всем белом свете – я шел на свидание с тем самым ангелом, в которого влюбился с первого взгляда. Какой же я был глупый до этого – ведь мог же уже давно пригласить ее! А она, наверное, ходила в наше кафе и все думала: «Когда же он наконец решится? Что за тормоз такой?». А я и впрямь тормозил, однако теперь этот барьер был сломлен. Переступив через свое стеснение, преодолев неловкость, я таки заговорил с ней. Сусанна, какое красивое имя. Именно таким и должно было быть оно у столь прекрасной девушки. И вот она появилась на горизонте. Я тут же двинулся ей навстречу.

– Ты просто великолепно выглядишь сегодня! – подбежав к ней, выпалил я комплимент и всучил цветы. Щеки горели. Она взглянула на меня и так мило улыбнулась, отчего все внутри словно оборвалось.

– Привет! Спасибо! Ты тоже, – оценивающе она просканировала меня своими зелеными глазами, – непривычно так тебе видеть таким! – Сусанна потянулась ко мне, и я приобнял ее. Впервые я ощутил тепло ее тела, ее короткое дыхание на своей шее.

– Предлагаю проехаться в Бебек – там есть одна кафешка с восхитительным видом на море, – это местечко я приглядел уже давно, мечтая сидеть в обнимку со своей любимой девушкой на плетеном диванчике на террасе и любоваться спокойной гладью Босфора.

– Я не против, веди! – она была весела и задорна. И я был рад видеть ее такой, я был на седьмом небе от счастья, что она пребывала в таком хорошем расположении духа при встрече со мной. И мы направились к метро.

¹⁹ Сагь ол (крымско-тат.) – спасибо.

²⁰ Бир шей дегиль (крымско-тат.) – не за что.

– Так значит ты работаешь моделью? – мне было интересно узнать как можно больше о ней, хотел знать абсолютно все: чем дышит, чем живет, что ей нравится.

– Ну, да, только по подиуму в нарядах я не хожу – мы стоим в магазине как живые витрины что ли, демонстрируем покупателям платья и другие вещи, – я обожаю слушать ее голос, самый нежный во вселенной.

– Если честно, я думал, что ты студентка.

– Нет, у меня, к сожалению, не получилось.

– А твои родители с тобой?

– Они остались в Крыму...

– Как и мои, – подметил я, начиная входить в ее положение и понимать, каково было ей одной в этом городе. Наверняка первое время друзей у нее тоже было немного.

– Да, я приехала сюда одна. Мои родители работают в Симферопольском универе: бабашка²¹ – профессор, анашка²² – бухгалтер.

– А ты чего же не поступила туда?

– Я подавала документы в стамбульский ВУЗ, и поступила, мне даже бурс²³ дали. Но через год отчислили...

– За что, что произошло?

– Да так, не хочу вспоминать об этом, – отвела взгляд Сусанна, – но родителям я не смогла рассказать правду. Мне было стыдно, что дочь профессора вылетела из универа. Тогда я и нашла эту работу здесь. Родителям говорю, что все хорошо, что учусь, подрабатываю.

Как же сильно ошибался в ней Ильяс. Он мог судить только по внешности, но теперь я понял, что на самом деле она переживала, что, как и у меня, не было у нее той беззаботной, безбедной жизни, как можно было бы представить со стороны.

– И давно ты тут, в Стамбуле?

– Ты же уже спрашивал вчера? – внезапно игриво уставилась она на меня.

– Э-м, ну да... – мне вдруг стало так стыдно, что я оказался таким невнимательным.

На мгновение захотелось даже под землю провалиться.

– Это уже мой второй год.

Я и впрямь в упор не помнил, чтобы вчера она мне рассказывала об этом, когда я заговорил с ней в ресторанчике. Выходило, что Сусанна могла быть года на два старше меня, раз поступала в университет еще два года назад. Я не был против большой разницы в возрасте между парнем и девушкой или мужем с женой (между моими дедушкой и бабушкой, например, была разница в десять лет, и для меня это было нормально), но я никогда не представлял себе, что моя жена была бы старше меня. Хотя два года это ведь и не такая большая разница. Именно так я себя успокаивал.

Во время поездки в метро мы еще беседовали о всяком разном. Время летело быстро, и я даже не успел заметить, как мы, сделав после метро пересадку на автобус, плавно добрались до нужной автобусной остановки на набережной в Бебеке, от которой оставалось самую малость дойти до той кофейни у воды с романтической обстановкой. Тут мобильный телефон Сусанны зазвонил, она закопошилась в сумочке. Она довольно долго рылась среди всевозможных других вещей, пока наконец торжественно не вытащила его с самого дна. Звонивший же человек не сдавался. Беззаботная улыбка с ее лица отчего-то спала, и Сусанна сделалась какой-то взволнованной. Она быстро ответила. Ее разговор на турецком был недолгим. Я пытался понять через ее эмоции, что ей говорили, но так и не сумел заключить – было ли это неприят-

²¹ Бабашка (сленг. от крымско-тат. *баба*) – папа.

²² Анашка (сленг. от крымско-тат. *ана*) – мама.

²³ Бурс (тур. *burs*) – стипендия.

ным известием или просто неожиданным звонком. Закончив, она наконец подняла свой взгляд на меня и все стало на свои места:

– Моя подруга попала в больницу, ей стало плохо и ее увезли на скорой. Я у нее одна знакомая в этом городе, поэтому мне и позвонили, – выпалила она скороговоркой. – Прости, Карим, так неловко получилось – мне нужно поехать к ней. Я не могу ее бросить.

– Да, конечно, – попытался я войти в положение, тем более что личико Сусанны выглядело так умоляюще, что я не мог ничего возразить.

– Я была рада с тобой прогуляться, Карим, было правда очень весело, но такая ситуация... – заспешила она.

– Быть может, мне с тобой сходить? – вдруг осенила меня замечательная мысль, как можно было бы продолжить наше общение. Но моя спутница отчего-то не поделила моего энтузиазма.

– Не стоит, – мягко ответила она, – спасибо тебе огромное за проведенное время. Мы как-нибудь обязательно еще погуляем, – приобняв меня и не дожидаясь моего ответа, она поспешно запрыгнула в как раз в эту минуту подошедший к пустой остановке автобус.

Меня переполняли смятенные чувства: я был растерян из-за такого внезапного прерывания нашего первого свидания, но в тоже время и воодушевлен – она сказала, что ей было весело и интересно со мной! А это значило лишь одно – у меня были все шансы, и я не собирался их упускать.

Октябрь 2014

– Алло! Ана́м²⁴, селям алейкум! – с экрана ноутбука на меня смотрел мама. Картинка в Скайпе немного зависала, потому я видел ее с застывшей радостной улыбкой на лице.

– Алейкум селям, балáм!²⁵ Как дела у тебя? – кричала мне в наушники мама, вероятно полагая, что от этого связь станет лучше.

– У меня все хорошо. Продолжаю работать, коплю деньги, – с мамой я в последнее время связывался довольно редко – где-то раз в месяц. Каждый раз поздно возвращаясь с работы в кафешке, у меня не хватало сил больше ни на что, как завалиться спать. Я даже не ужинал, так как кушал перед выходом там же, вместе с уйгурами.

– Если у тебя нету денег, ты не молчи, все говори мне. Я тебе вышлю если что!

– Не надо, ана́м, сагъ олу́нъыз!²⁶ Вы себе оставьте лучше, у меня всего хватает, я справляюсь. Спасибо, правда, не надо, – она продолжала работать в магазине и получала все те же копейки, а в последние месяца и того меньше, но всегда норовила отправить мне хоть что-то, переживая, чтобы я тут не сидел босой и голодный. Однако зарплату мне немного подняли, и теперь я мог даже откладывать понемногу. Раз в месяц я ходил в магазин, прикупал одежду к зиме.

– Ана́м... я еще кое-что хотел рассказать вам... – я должен был поделиться своими чувствами с самым близким мне человеком. – Мне нравится одна девушка, она крымская татарка. Мы гуляли с ней, общались, и мне кажется, что я люблю ее...

– Это хорошо, балáм, – улыбнулась мама, – только будь осторожен, не принимай поспешных решений, будь рассудительным. Я знаю, что ты выберешь достойную, – мне стало легче, когда я открылся ей и получил слова поддержки. Но мне вдруг почему-то захотелось быстро перевести разговор на другую тему.

– Как там баба́?²⁷ Есть какие-то новости о нем? – в последний раз, когда я говорил с мамой по Скайпу, то узнал от нее, что дело отца вроде бы как собирались пересматривать. Об этом ей рассказал Амет, старый знакомый нашей семьи, который работал в полиции.

– Его оправдали, – лицо мамы вдруг погрустнело, – но только частично. Полковник Захаркин не смог найти доказательств и подтвердить, что баба́ это контрабандист Хызыр. Но он все равно оставил его в тюрьме. Теперь Исмета считают подельником Хызыра, его посредником в Крыму, – когда картинка на мониторе прояснилась, я увидел слезы на лице у мамы. Мне и самому от всего этого становилось так плохо... Я искренне надеялся, что в нашей стране еще осталось правосудие, но по факту местные чиновники вершили беспредел. Им нужно было закрыть преступника, отчитаться, что они провели опасную и важную операцию, и они всеми честными и нечестными путями это выполнили бы. Полковник не был исключением. Наверняка и он перед своим руководством отчитывался об успешно проведенном задержании крупного контрабандиста. А улики в сфабрикованном деле все не вязались у него, но папу он все равно решил посадить: «ничего страшного, что он не сам Хызыр – пускай будет его посредником»

– А неделю назад... – мама неожиданно запнулась, – я не хотела тебе говорить... волновать тебя...

– Что такое, ана́м? – сердце вдруг отчего-то заколотилось в груди, словно предчувствуя нехоршее.

²⁴ Ана́м (от крымско-тат. *ана*) – мама.

²⁵ Балáм (от крымско-тат. *бала*) – дитя мое.

²⁶ Сагъ олу́нъыз! (крымско-тат.) – Благодарю!

²⁷ Баба́ (крымско-тат.) – отец.

– Исет... баба... он...

– Говорите, анám, не томите!

– У него случился инфаркт в КПЗ... его не успели спасти...

Все внутри меня в одно мгновение оборвалось, я даже подскочил с дивана, едва не уронив ноутбук на пол, но поймал его в последний момент. Какой-то ком подобрался к горлу, а глаза сдавило. Мне захотелось уйти далеко-далеко, в лес, в глухой лес, чтобы никого не видеть и не слышать. Это не могло быть правдой! Разве могло быть так: был человек, и тут раз – его больше нету? Это не должно было быть так! Это все этот чертов полковник Захаркин был виноват! Эта мразь оклеветала отца и нашу семью! Эта гнида отправила папу в тюрьму!

– Я должен приехать на похороны, анám, – голос мой однако, несмотря на бушующие внутри эмоции, звучал спокойно и монотонно.

– Нет, ни в коем случае Карим! – я был немного введен в ступор таким резким ответом мамы. – Полковник, ему недостаточно было уже причиненного горя нашей семье. Теперь... как Исмета не стало... ты – главный подозреваемый в деле. Тебя объявили в розыск, Карим. Тебе нельзя приезжать... Прочти сегодня намаз, балám, за его душу, – смягчился мамин голос, – попроси, как и я прошу у него каждый день, чтобы Аллах принял его душу к себе...

Выходило, что, как бы я не хотел оказать последние почести папе, проститься с ним, но меня лишили и этой возможности. Виной всему был пресловутый полковник, которого я с каждым мгновением начинал все больше и больше ненавидеть... В тот же вечер, после разговора с мамой я отправился в местную мечеть на вечерний намаз. Мне стало стыдно, что за все время в Стамбуле я был в мечети всего несколько раз и то, как турист.

Ноябрь 2014

– Ну, что, ты долго там еще? – постучал костяшками пальцев по деревянной двери примерочной кабинки Ильяс. Те дни, когда мы с ним вместе бороздили весь город, изучая новые места, уже давно прошли. Наступили холода, близилась зима и нам уже было не до этого, поэтому теперь уже редко когда мне удавалось вытащить Ильяса из его европейской части города в свою, азиатскую. Но сегодняшний вечер был исключением – я наконец скопил достаточно денег, чтобы купить классическое пальто, которое уже пару месяцев назад присмотрел в магазине. Оно мне казалось даже куда более классным, чем то, что я брал в долг у своего друга. Я застегнул верхнюю пуговицу, бросил на себя последний взгляд в зеркало и вышел.

– О-о! Оно прямо пошито на тебя! – оценивающе просканировал меня Ильяс. – Ты прям как большая шишка или мафиозник какой! – хохотнул он.

– Ну, все, беру тогда, – покрасовавшись еще немного со всех сторон перед большим зеркалом в зале магазина и окончательно убедившись в том, что я выглядел в нем очень даже презентабельно, я вернулся в кабинку. Кроме пальто я решил еще прикупить парочку классических рубаш и новые темные джинсы, потеплее.

Через пятнадцать минут мы покинули магазин, так как нам повезло с небольшой очередью.

– С обновкой тебя, братан! – похлопал меня по плечу Ильяс. – Завтра будешь вообще красавчиком, на стиле! И она будет твоя, – подмигнул он мне, – я уверен, что она не сможет устоять, никак! – после того неудавшегося свидания я с Сусанной больше не встречался, в кафе она тоже долго не приходила. Я не звонил ей, я лишь ждал пока она придет в ресторанчик и вновь осчастливит меня своей улыбкой. И вот вчера я вновь увидел ее, опять вместе с обеими хохочущими подругами. Я вновь подошел к ней и пригласил ее сходить со мной еще раз. Она согласилась, хотя, как мне показалось, и поколебалась немного. Но теперь я решил прийти на встречу уже не в одолженной одежде, а в своей. Мне хотелось, чтобы она увидела, что я менялся, что я развивался, что постепенно превращался из мальчика-школьника, влюбившегося в нее четыре месяца назад, в мужчину, который уже начал зарабатывать, которому уже не нужно было брать двести лир в долг у друга, который мог выделить эти деньги на свидание из своего собственного кармана. Мне и впрямь тогда казалось, что за четыре месяца я сильно изменился.

Дядя Энвер уже вырос у нас на пути, подскочив с мягкого, насиженного кресла, находившегося напротив входа в магазин.

– Ну вы и отовариваться, баллár!²⁸ – это был упрек, хотя мне и не показалось, что мы были долго. Дядя не захотел с нами возиться среди вешалок все это время и потому остался сидеть снаружи. К его счастью на этом этаже торгового центра как раз находились удобные диванчики и кресла.

– Могли же не ходить с нами, Энвер-áби, – заметил Ильяс.

– А все пакеты с едой мне самому прикажешь тащить? Кушать-то все будут! Тоже нашли мне верблюда! – возмущался дядя Энвер. Мы с приятелем лишь переглянулись, давно уже наученные отличать и прекрасно понимать, когда дядя был по-настоящему злой и чем-то недоволен, а когда просто шутил, как сейчас. Этой ночью Ильяс оставался ночевать у меня, что случалось еще намного реже наших вылазок в город. Чаще я после работы мог забуриться к нему домой. Тем более что он всегда жил практически один – его отец частенько ездил в Крым и обратно, а даже когда и находился в Стамбуле, то был погружен в свои челночные дела и допоздна засиживался на своем складе. На этот же раз уже Ильясу было нерезонно воз-

²⁸ Баллár (разг., множ. от крымско-тат. *бала*) – ребята.

вращаться домой. Раз он уже выбрался ко мне в Азию, то я его гостеприимно с согласия дяди принял в своем доме.

Спустившись на пару этажей ниже, мы по-быстрому купили все необходимое в продуктовом магазине и покинули Капитоль, который являлся самым ближайшим торговым центром к нашему дому и одним из самых старых в Стамбуле. Через четверть часа мы уже все втроем завалились в квартиру. Сегодня за кухню отвечал дядя Энвер (впрочем, как и обычно), но этим вечером он решил приготовить что-нибудь необычное, раз уж у нас были гости, и замахнулся на чибереки²⁹. После ужина я покинул Ильяса с дядей и пошел в мечеть. После того разговора с мамой мне стало стыдно, что я не молился даже дома уже несколько месяцев, и теперь я старался хотя бы раз в день бывать в мечети. Чаще всего мне удавалось попасть лишь на вечерний намаз, так как утром и в течение дня все время отнимала работа и путь к ней. У Аллаха я просил лишь две вещи: чтобы Он позаботился о душе моего отца, чтобы она обрела свой покой, и второе – чтобы Он позволил мне быть с девушкой моей мечты вместе всю жизнь.

На следующий день я отправился на наше второе свидание с Сусанной. Этот раз оказался куда более удачным, чем предыдущий – мы таки дошли до той романтической кафешки на набережной у Босфора. Все складывалось как нельзя более лучше. Всю дорогу мы вели непринужденную беседу, я пытался быть смешным, хотя и чувствовал себя порой неловко, но она смеялась над моими шутками, а значит, ей нравилась моя компания. Подметив это, я просто взмыл на двадцать пятый этаж от счастья. В кафе я выбрал тот самый столик, за который и мечтал ее привести в прошлый раз – у самой кромки воды, с плетеным диванчиком для двоих. На таких вот уютных диванчиках с мягкими подушками я часто наблюдал, как сидели холодными осенними вечерами влюбленные парочки, укутавшись под теплым пледом и потягивая салеп – горячий молочный напиток с корицей, идеально согревавший в такую пасмурную погоду.

– Присаживайся! – галантно я пропустил Сусанну вперед и устроился затем рядом с ней. К нам подошел официант, и мы заказали по чашечке медового салапа.

– Какая тут интимная обстановка, – бросила вдруг она на меня игривый взгляд.

– Мне тоже очень нравится это место, милое такое: море, чайки, – глупо улыбнулся я, растерявшись.

– Ты намеренно завел меня сюда, где все сидят парочкам? – захохотала она.

– Да нет, просто местечко уютное, люблю сюда частенько ходить, – попытался было оправдаться я.

– М-м, – закинула она нога на ногу, повернувшись полубоком ко мне. – Никогда не подумала бы, что ты такой романтик и сидишь по таким кафешкам.

– Ну, есть такое, – покраснел я, – порой хочется побыть одному, подумать о жизни, и это очень подходящее место.

– Побыть одному в месте, где все приходят парочками? – гнула она свою линию. – Так ты приходишь помечтать сюда?

– Э-э, да, можно и так сказать, – на какое-то мгновение я почему-то растерялся.

– Ты ведь здесь последний раз был еще до нашего первого свидания, не так ли? – ее закинутая нога манерно колебалась, и носочком она то и дело немного касалась моей голени.

– Да, на самом деле, – выдохнул я отчего-то скопившийся в легких воздух.

– Но про мечты-то ты не соврал, надеюсь? – проткнула она меня своим взглядом.

²⁹ Чиберак (крымско-таг.) – чебурек.

– Н-нет, я не обманывал тебя, – я сам себе со стороны казался таким глупым в тот момент. Я не заметил, как Сусанна перехватила инициативу в свои руки, и почему-то я сейчас оправдывался перед ней. По крайней мере так я себя ощущал в тот момент.

– И о чем же ты мечтал? – скользнула хитрая улыбка по ее лицу.

– О тебе! – вдруг выпалил я неожиданно для самого себя и тут же провалился на месте прямо под диванчик, на котором мы сидели. Раз я признался ей, то теперь задний вход включать уже было бессмысленно, и я медленно потянулся к ней. Она вроде бы была не против, и я, положив свою руку ей на бедро, придвинулся к ней и тут же окунулся в ее сводящий с ума аромат. Ее губы, такие манящие сладкие, были так рядом. Забыв обо всем на свете в ту секунду, я резко коснулся губами ее уст. Как же бешено колотилось сердце в тот момент. Она, я не сомневался, ощущала то же самое внутри. Мы слились в крепком долгожданном поцелуе. Я кайфовал от ее нежных губ, которые то и дело сладко причмокивали. Но внезапно она резко отпрянула, и, густо покраснев, я осознал, что на самом деле весь поцелуй длился не более секунды. Она уставилась на меня каким-то странным взглядом и словно отстранилась, чего-то испугавшись.

– Это неправильно, мы делаем ошибку, – затараторила она.

– Извини, прости, Сусанна, я не хотел тебя обидеть, – я уже и не помню какие еще глупые слова я там лепетал, пока не был оглушен ее единственной короткой фразой, прогремевшей, как гром среди ясного дня.

– У меня есть парень, – ее слова прозвучали тихо, но в моем сердце они отозвались громким эхом, – ты – хороший, мне интересно с тобой, мне хорошо и весело с тобой, но как с другом.

Все слова словно забылись, я не мог ответить ничего подобно немой рыбе в глубоких буйных водах внешне спокойного Босфора.

– Ты пойми, ты мне нравишься, и я даже полюбила тебя за то непродолжительное время, что мы знаем друг друга, – вдруг прозвучавшие ее эти слова неожиданно дали мне какую-то надежду, мне хотелось верить, что все это было шуткой, флиртом, женским заскоком или чем-то из этой оперы, но она продолжила, – полюбила, как брата...

Декабрь 2014

У нас в это время в прежние года уже обычно выпадали сугробы снега, и на улице стояла волшебная атмосфера близящегося праздника. Но в Стамбуле зима долгое время не собиралась приходить. До двадцатых чисел декабря я бегал на работу под хмурым дождливым небом и каждый вечер сушил кроссовки на батарее. Так как денег на хорошие сапоги я еще не скопил, отдав предпочтение не столь необходимому пальто, то приходилось мне ходить в том, в чем я приехал сюда летом. Но однажды снег на удивление всем жителям города посыпал. Это случилось без предупреждения, без предварительных заморозков – просто заснув прошлым вечером при десяти градусах тепла, на следующее утро город проснулся уже при минусовой температуре. Впервые здесь на юге я видел снег. И эта снежная атмосфера отдавала чем-то родным, я словно очутился в Крыму, успев порядком соскучиться по родине за эти полгода. Этим утром я шел на работу в свой ресторанчик, будучи воодушевленным как никогда. Рана, нанесенная моему сердцу самим же собой за свою же детскую наивность, начинала понемногу затягиваться. Я старался не думать о Сусанне, и к счастью она больше не появлялась в кафе. Один раз я видел ее подруг, но они были сами. Я был благодарен ей за то, что она не вызывала своим появлением излишнюю боль в моей душе.

– Тебе нужно заняться каким-нибудь делом, по-настоящему настолько интересным, чтобы забыть и не думать об этих бабах, братан, – говорил мне частенько Ильяс. Но пока я не знал, чем себя занять, что меня ждало впереди. Я продолжал работать официантом на Асма-туллу-бея, получал свои гроши, которых мне хватало лишь на пропитание и немного на одежду. Просить больше у Асма-туллы-бея смысла не было – я видел, что бизнес его в последнее время становился все более убыточным. То, что он держал меня у себя, было уже большим участием с его стороны. Проводя весь день за беготней между столиками, я то и дело поглядывал за окно и боялся, чтобы эта зимняя сказка не растаяла за один день. И к моему счастью, когда я возвращался домой, снег все еще продолжал падать. Мне почему-то захотелось поставить в плеере классическую музыку, а не привычный рок, и под «Реквием по мечте» я добрался домой. Хоть я и был в наушниках, но казалось, что все люди вокруг слышали эту музыку, и толпы людей, словно сговорившись, в нужный момент то ускорялись перед глазами, когда музыка нарастала, то замедлялись, в моменты успокоения оркестра.

Дядя Энвер был дома и встретил меня горячим кофе. Голодным я как обычно с работы не был, но от курабешек (рассыпчатых печенек) с турецким кофейком не отказался. Мы уютно устроились на прогретой чайником кухне с паром под потолком.

– Завтра мне нужно будет на какое-то время уехать, Карим, – завел дядя беседу.

– Куда? – откусил я печенья и запил его горьким напитком.

– Да по делам нужно будет съездить в другой город. Уеду я рано утром, не знаю сколько там задержусь. Чтоб ты не переживал, а то мало ли, кинешься искать меня, тревогу поднимешь. Оно мне не надо, – усмехнулся дядя.

– Что-то случилось, Энвер-аби? – еще с тех пор, как я зашел домой, мне он показался каким-то озабоченным.

– Да нет, ничего, что тебя должно было бы беспокоить, – он улыбался, но эта его улыбка была какой-то неестественной.

Внезапно из прихожей раздался грохот – словно какая-то дверь с силой захлопнулась. Зашумели незнакомые турецкие мужские голоса. Раздался топот кирзовых сапог, и тут же дверь на кухню громко распахнулась, в комнату вбежало человек пять в военной форме и с автоматами. Подбежав к нам, они грубо ткнули нас лицами в стол, с которого на пол покатались чашки, и горячий кофе пролился прямо на мои штаны. От внезапного ожога кипятком

я аж вскрикнул и тут же получил дулом по шее. Мы были обездвижены. За этими ребятами в комнату уже размеренной походкой вошел полицейский.

– Кто здесь Энвер Алимов? – сурово спросил он.

– Я, – подал голос дядя. В этой ситуации, скорее всего, отпираться было бессмысленно.

– Вы задержаны за торговлю наркотиками и будете осуждены по законам Турецкой Республики, и никакие ваши посольства вам не помогут!

Дядю тут же резко подняли, словно беспомощного щенка, и легко скрутив ему руки за спиной, застегнули на запястьях наручники.

– Я ни в чем не виноват! Это – ложь! – запротестовал вдруг дядя, что мне показалось лишним, так как турки особо не церемонились с ним. Ему тут же заехали прикладом в живот, и он согнулся пополам. Все произошло не более чем за пять минут. Дядю Энвера уволокли, ушли и спецназовцы, пригвоздившие меня к столу дулами автоматов, а полицейский, оставшись со мной, лишь задал несколько общих вопросов, но задерживать не стал. В голове у меня творилась суцкая каша и неразбериха. Единственное, что я сумел понять и запомнить из его слов после его ухода, было то, что в причастности моего дяди к наркотрафику он не сомневался, а на счет меня он точно знал, что я был не при делах.

Оставшись один, я еще долго сидел, замерев на месте, за кухонным столом, пытаясь осознать все то, что сейчас произошло. Со мной опять повторилась та же самая ситуация, полгода спустя. Сначала я был свидетелем задержания своего отца, а теперь вот при мне снова словно цунами по квартире дяди Энвера прошлись турецкие полицейские и взяли его под стражу. Не знаю точно, сколько времени прошло от их ухода, но отчетливо помню, что разлитый на мои штаны кофе уже успел высохнуть, когда меня вернул в реальность телефонный звонок. На том конце трубки раздавались судорожные всхлипывания и плач:

– Ты можешь сейчас ко мне приехать?.. Мне плохо... я не знаю, что мне делать... – это была какая-то девушка.

– Кто это?

– Ты не узнаешь меня, – вдруг взвыла она, – Сусанна...

Не сразу я узнал в этом рыдающем, надрывающемся голосе Сусанну, всегда задорную и смеющуюся в моей памяти.

– Ты где? Скажи свой адрес, я сейчас же буду! – мой пульс участился на столько, что руки аж затряслись. В данный момент самой любимой моей девушке на свет было плохо, где-то на другом конце Стамбула ее кто-то обидел, и ей была нужна моя помощь, она вспомнила обо мне в этот момент. Значит, я был ее единственной надеждой, единственным, кто мог помочь ей. Я должен был во что бы то ни стало быть с ней и помочь, защитить. Она продиктовала мне адрес, и я в чем было выскочил из дому, поймав первое встречное такси. Всю дорогу я то и дело поторапливал водителя, которому из-за меня пришлось нарушить ряд дорожных правил. Но я не мог допустить ни минуты промедления.

Подъехав к ее дому, я всучил водителю крупную купюру и пулей покинул салон, он что-то еще пытался мне кричать вслед, намереваясь вернуть сдачу. Но я уже не слышал его, перебежав через несколько ступеней, я влетел к ней на этаж и нажал на дверной звонок. Отворив двери, она тут же кинулась мне на шею и уткнулась своими мокрыми ресницами в мою щеку. Крепко обняв свою девочку, я буквально пронес ее на своей шее до гостиной и усадил на диван.

– Спасибо, что приехал... – еле слышно молвила она, – я не надеялась, что ты приедешь... ты же обиделся на меня тогда...

– Нет, нет, ничего страшного, – прижал я ее крепко к своей груди и принялся гладить по дрожащей спине.

– Прости меня... – всхлинула она, – прости, что сразу не сказала о парне... еще на первом свидании... это он мне позвонил тогда, а не подруга... – Сусанна вновь зарыдала, по всей видимости, от очередной волны нахлынувших воспоминаний.

– Все хорошо, тише, тише, девочка, – я пытался отдать ей все свое тепло, подставить свое крепкое плечо.

– Ты, наверное, не поймешь меня... Тебе приходилось расставаться? – она была права, девушки у меня никогда не было (мимолетные поцелуи на пляже летом с разными девчонками и пару прогулок с одной девушкой не в счет), настоящих отношений я не имел, потому понять всю раздиравшую ее изнутри боль я, скорее всего, не мог. Но боль любви я уже познал, тогда, месяц назад, узнав, что моя любовь к этой девушке останется навсегда неразделенной.

Не дождавшись моего ответа, она продолжила:

– Я любила его... а он использовал, и бросил... я из-за него оставила учебу, он не хотел, чтобы я училась... я делала все, что он желал, лишь бы ему было хорошо со мной...

– Тише, я рядом, девочка моя, не думай больше о плохом, – гладил я ее по горячей головке. Тут мой взгляд упал на журнальный столик у дивана, на котором стояла откупоренная и уже наполовину опустошенная бутылка вина рядом с бокалом. Сусанна, по-видимому, тоже вдруг вспомнила о ней, и, отпрянув от меня, потянулась к столику. Она предложила выпить и мне. Я не мог отказаться. Последние несколько лет я старался не пить, после того как классе в девятом мы с друзьями перебрали на пляжной дискотеке, где я подрабатывал в свое время.

Сусанна все подливала и себе, и мне вина и изливала мне душу. Когда она уже раз на шестой перевернула бутылку, и из нее вытекла лишь одна капля, Сусанна швырнула ее на ковер и откинулась на спинку дивана. Мое сознание к тому времени уже порядком помутнело и хотелось невероятно спать. Я сидел рядом с девушкой моей мечты как никогда близко, теперь я знал все о ее сокрытых переживаниях, она допустила меня в свой внутренний мир. Но какой ценой. Я тоже облокотился на диван и закрыл глаза. Внезапно я ощутил у себя на ширинке руку, она гладила меня. Еще секунду спустя моих губ коснулись ее сладкие от вина уста. Я открыл глаза, а Сусанна внезапно резко запрыгнула сверху на меня и впилась в мои губы страстным поцелуем. Я поддался своему влечению и желанию и крепко схватил ее за ягодички, прижав к себе. Она была в моих руках, извиваясь на мне, терлась о меня и, оставив мои покусанные губы в покое, принялась целовать шею, расстегивая мне рубашку. Я прошелся по ее спинке и, задрвав ее маечку, помог ей избавиться от нее. Приподнявшись, я позволил ей снять с меня рубашку, после чего она запустила свою руку себе за спину и ловким движением расстегнула лифчик. Наши горячие тела соприкоснулись и слились воедино. Я ощутил прикосновение ее твердых сосков к своей груди. На этот раз уже я прильнул к ее губам и принялся страстно целовать ее, запустив ладонь в ее густые волосы. Ее ручки тем временем опускались все ниже по моему торсу и принялись расстегивать пуговицу штанов. Я встал с дивана, взяв Сусанну на руки, а она обвила своими стройными ножками мою спину. Аккуратно поддерживая ее за ягодички и не расцепляя губ, я медленно опустил ее на диван, оказавшись теперь сверху. Мои страстные поцелуи стали плавно перетекать все ниже и ниже. Когда мои пальцы ласкали уже их остывшие следы на ее шее, я уже впился устами в ее набухшую грудь. Сусанна начала томно постанывать и еще крепче сжала мою талию ножками, поглаживая пяточками мою спину. Мои уста же стремились все ниже и ниже, наконец достигнув кромки ее джинсов. Нежно расстегнув, я медленно, оттягивая каждую минуту удовольствия, стал стягивать их с нее. Оставив ее в одних лишь трусиках, я прильнул губами к ее пупку, и она вдруг вздрогнула и затрепетала подо мной. Крепко сжав одной рукой ее томно вздымающуюся грудь, а другой схватив ее упругую ягодичку, я еще крепче впился в ее животик страстными устами, а затем принялся осыпать все ее тело хаотичными нежными поцелуями. Спускаясь все ближе к заветной розе.

– О, да-а! – выдохнула она, когда мой подбородок коснулся ее лобка, оттягивая трусики все ниже и ниже, и я наконец вкусил ее розу. Сусанна принялась ритмично постанывать и стягивать своими пяточками мои джинсы. Избавившись от лишней одежды, я вновь вернулся к ее милому личику и прильнул губами к ее тонкой шейке. Теперь я лежал на ней, и мы полностью

слились в один единый организм. Она издала еще один томный вздох прямо над моим ухом. Отчего мурашки прошли по моему телу, и я, уже полностью овладев ею, страстно коснулся ее закушенных губ своими устами. Я видел лишь как закатываются ее глазки в блаженстве, но ощущал гораздо больше: я чувствовал, какой вихрь закручивается между нами, как извивается она подо мною, как сплетаемся мы в единый узор. Наши тела разжигали огонь, который с каждым мгновением становился все горячее и ярче, и мы оба горели в этом огне любви. Я ощущал, как ее животик пульсирует, а сердце бешено колотится. Моя одна ладонь сжимала ее ягодицу, а вторая рука тонула в ее волосах, крепко схватив ее за затылочек и оттягивая волосы, отчего она еще больше трепетала и извивалась, уже не стесняясь стонать все громче и громче, все чаще и чаще, доходя до своей кульминации, после чего страстно обхватила мою шею и крепко впиалась в мои мокрые губы. Я лежал сверху на ней и ощущал, как пот стекает по нашим телам. Теперь уже наши поцелуи стали нежными, а ее губки сладко причмокивали. Так крепко обнявшись и не желая расцепляться, мы продолжали лежать. Ее дыхание все еще щекотало мое ухо, а наши сердца в груди подыгрывали друг другу в едином ритме. Стоявший вокруг аромат любви, расслабляя все наши органы чувств, плавно погружал нас обоих в крепкий, теплый сон.

Глава 3

Январь 2015

С момента ареста дяди Энвера прошло уже около месяца. Один раз после этого полиция еще навещала его квартиру, пока я был на работе, они проводили обыск. Моего разрешения никто не спрашивал, так как проживал я там не официально. Еще один раз я ездил на встречу к нему по повестке. Тогда в отделении полиции мне рассказали, что в его деле все абсолютно чисто, и он был одним из тех многих спекулянтов марихуаной, которых они начали отлавливать последние несколько месяцев. По словам полицейских, дядя был не крупным дельцом, а всего лишь перекупщиком, и, как оказалось, на своей квартире у него был подпольный магазин. У него были постоянные клиенты, которые уже знали его много лет и покупали траву всегда только у него. Я поначалу не мог поверить всему этому, но потом мне объяснили, что при обыске у нас в квартире обнаружили хорошо замаскированный тайник в стене в комнате дяди. По Стамбулу таких квартир, как мне рассказали, было немало. И каждый месяц правоохранительные органы стандартно задерживали двух-трех дельцов. Затем мне дали повидаться с дядей, но в присутствии следователей. Ему грозил немаленький срок, он сообщил мне, что собирает свою квартиру передать мне. Последние недели две я вынужден был регулярно навещать юридическую контору, подготавливая всю необходимую документацию. К счастью она находилась в том же районе, где и моя работа – в Аксарасе. И в течение дня я мог отпрашиваться у Асмадуллы-бея, чтобы ходить туда. Но все эти дела обещали затянуться еще на месяц как минимум, благо у дяди на счету были деньги, которыми он разрешил мне воспользоваться, и мне не пришлось платить за все из своего кармана.

В тот день в полдень я как раз вернулся в кафешку после очередного похода в контору. Вытерев о коврик промокшие сапоги и развесив куртку сушиться, я поспешил вернуться к своей работе. Зимой клиентов у нас было намного больше, чем летом. Все любили холодными зимними днями и вечерами погреться в уютном месте, наслаждаясь вкусной едой, заметно различающейся с местными турецкими блюдами. Гюльмира-ханым всегда готовила с душой, и все у нее выходило как-то по-домашнему. Она была очень доброй женщиной, я часто замечал, что то во время жарки лагмана, то при варке плова она всегда что-то шептала. Как я узнал позже из ее слов – она читала дуа, специальную исламскую молитву. Она не относилась к своему делу, как к просто рутинной штамповке блюд.

Я спустился на кухню, чтобы узнать о заказах, и тут же нос к носу столкнулся с нашей посудомойщицей, Сафие. Не рассчитав скорость, я налетел на нее прямо с лестницы, и она от неожиданности выронила кастрюлю, которую как раз несла подать Гюльмире-ханым.

– Ой! – воскликнула она, и мы вдруг одновременно резко опустились, чтобы поднять ее и вновь стукнулись уже лбами.

– Извини! – я ощутил, что щеки мои загорели.

– Да нет, ничего, – суетливо убрала она выпавшие из хвоста волосы за ухо, – я что-то задумалась, не заметила тебя.

– Это я так летел по лестнице, извини, Сафие, – дотронулся я до ее плеча и заметил, как она опустила свой взгляд, словно боясь взглянуть на меня.

– Все хорошо, – быстро выпалила она и резко метнулась к Гюльмире-ханым.

Я был немного озадачен, но ни о чем подумать не успел, так как тут же меня сверху окликнул другой официант:

– Карим ты здесь?

– Да! – громко крикнул я, завидев лишь торчащее наверху лестницы лицо паренька-уйгура.

– Асматулла-бей хочет тебя видеть, он в кабинете!

– Яхши!³⁰ – отозвался я, и поспешил на второй этаж.

Старый пухлый уйгур сидел за своим рабочим столом и увлеченно вырисовывал какие-то циферки и закорючки в своих документах. Заметив мое присутствие, он оторвался от своих дел, добродушно улыбнулся и предложил мне присесть.

– Как дела, Карим? – искренне поинтересовался он.

– Спасибо, Асматулла-бей, все хорошо. Я только вернулся, собирался приняться за работу.

– Пока не торопись – нам нужно обсудить кое-что важное.

Я продолжал молча слушать.

– Как там поживает Энвер-бей? Есть какие-то надежды в его деле?

– Я был в полиции на днях... Кажется, его задержали надолго, – мне не хотелось вдаваться в подробности.

– Не пойми неправильно, Карим... – по лицу начальника было видно, что он старается подобрать слова, – твой дядя, он оказался сейчас не в самой завидной ситуации... мягко говоря и не в самом выгодном положении, – я молча слушал, не понимая, к чему он клонил, – я лично знал его, как хорошего человека, добропорядочного, честного, истинного мусульманина. И если бы кто мне сказал что-то подобное о нем, я никогда бы не поверил. Я знаю его уже много лет, еще с тех пор, как мой ресторанчик только-только открывался. Все, кто с этим рестораном так или иначе связаны, знают Энвера-аби. Я не сомневаюсь, что и ты, как его родственник – достойный человек. Тем более я вижу, что к труду ты подходишь с совестью.

– Спасибо, Асматулла-бей, – приложил я руку к груди и кивнул головой.

– Но теперь, после ареста твоего дяди его доброе имя стало запятнано. Он был моим хорошим другом, – сделал он секундную паузу, – я должен уволить тебя.

Это был неожиданный удар судьбы для меня – я ведь только-только начал вставать на ноги, влился в свою работу, почувствовал какую-то стабильность.

– Многие среди других моих знакомых знают, что ты племянник Энвера. Когда он был в нашем кругу, никто не знал о его подпольных делах. Теперь же связь с ним, несомненно, бросит тень не только на мой бизнес, но и других наших приятелей. А тут еще пойдет слух, что я держу на работе племянника наркоторговца. Не думаю, что кто-либо поверит, что ты, живя вместе с ним, ничего не знал о его делах. Тем более что мы, уйгуры, здесь – иммигранты из Средней Азии. От этого мы еще больше попадем под подозрение, а полиция в последнее время участила эти свои чистки.

– Я понимаю, – негромко молвил я.

– Мне очень не хотелось тебя ломать, но сейчас все повернулось так, что иначе я не могу.

– Да, конечно.

– Сегодня будет твой последний день, можешь уходить прямо сейчас, – он открыл один из ящичков в своем столе и достал оттуда конверт, – я рассчитал всю твою зарплату за этот недоработанный месяц, – положил он конверт на стол и пододвинул ко мне. – Ты парень головастый, трудолюбивый, я думаю, не пропадешь.

Я взял конверт, после чего Асматулла-бей поднялся и протянул мне руку для рукопожатия, как бы намекая на то, что беседа была окончена, и мне было пора. Пожав его мощную руку, я кое-как выдавил из себя кислую улыбку, поблагодарил его еще раз за его доброту, за все в целом и покинул кабинет.

³⁰ Яхши (крымско-тат.) – хорошо.

Теперь я вновь оказался в похожей ситуации, как тогда, полгода назад. Только теперь вот пойти мне было не к кому. Даже если бы я попросил Асматуллу-бея дать мне контакты его друзей, то к какому-бы его знакомому я не заявился, никто бы не согласился брать меня на работу, зная какой была теперь моя репутация. Попрошавшись со всеми, я вышел на улицу еще в самый разгар рабочего дня. Свежий зимний воздух ударил мне в нос, и тут же всю округу разрезал пронзительный азан из мечети неподалеку. Мне почудилось, словно этот азан звал именно меня на молитву. Та мечеть находилась в противоположном направлении от того пути, каким я всегда иду домой, поэтому я очень редко ее видел. Если я и молился в течение дня, то только в подвале в ресторанчике. После смерти папы я стал молиться чаще. Мне не хватало его, а с Аллахом я мог поговорить как с отцом. Теперь же мне не терпелось поведать ему и то, какое новое испытание выпало на мою долю, спросить совета, попросить силы, чтобы справиться со всем навалившимся на меня вновь.

Разувшись и войдя в переполненную пятничную мечеть, я не стал пробираться глубже и почти сразу опустился на колени. Прочитав джума-намаз, я открыл глаза и увидел улыбающегося седого старичка. По всей видимости, ему было очень много лет, он был дряхленьким и скрюченным, в аккуратном выглаженном светлом льняном костюмчике и с таковой на голове (белой вязаной шапочкой для намаза).

– Ас-салям алейкум!³¹ – расплылся он в еще большей улыбке, отчего казался таким светлым и добродушным.

– Ваалейкум ассалам!³² – поднялся я и поклонился ему. Он подошел поближе ко мне, положил руку на мое плечо и посмотрел прямо мне в глаза своим светло-небесным взглядом.

– Ты хороший человек, я вижу в тебе свет! – хлопнул он меня по плечу и пошел к выходу. Я же остался стоять еще несколько минут, как вкопанный. Этот заурядный старичок так сильно был похож на моего кьартбабашку³³, папиного отца, который ушел к Аллаху еще когда я был совсем ребенком. Именно таким я и запомнил его – я не помнил его внешности, но отчетливо в моей памяти отложился тот светлый образ, который сейчас и возродил из глубин моего подсознания этот неизвестный старичок.

Домой я пришел раньше обычного, порядком уже проголодавшись к тому времени, ведь обычно я ужинал на работе перед выходом. Я давно уже ничего не готовил, так как завтракать тоже мог в нашем же ресторанчике. Отыскав на полке с крупами нут, я решил сварить его и потушить найденные в холодильнике баклажан с кабачком. Скучно, но в магазин идти сегодня не хотелось. Голову распирало от кучи мыслей о будущем, о том, что теперь делать и куда идти. «Зато, спасибо дяде, у меня есть хотя бы квартира», – думал я.

Я только зажег газ, как вдруг раздался дверной звонок.

– Кто бы это мог быть?.. – отчего-то вслух выразил я свои мысли и потопал в прихожую.

Отворив двери, на пороге я увидел Сусанну. Она выглядела по-простому. Не было на ней ни ярких украшений, ни привычного макияжа, подчеркивающего ее безумно красивые глаза. И одета она была скромно.

– Можно зайти? – неуверенно пролепетала она, еле заметно заглядывая за мою спину, словно думала кого-то увидеть там. После той ночи мы с ней не пересекались. Несомненно, это была самая лучшая ночь в моей жизни. Но наутро я ушел. Я не был уверен в том, что она действительно хотела этого со мной. Я убедил себя, что она просто очень много выпила в тот вечер и не понимала, что делала, запуталась в себе. Мне и самому стало стыдно перед ней тогда, что воспользовался той ситуацией. Поэтому, не разбудив ее, я тихо покинул квартиру.

³¹ Ас-салям алейкум (от араб. «мир вам») – приветствие на арабском, используемое всеми мусульманами.

³² Ваалейкум ассалам (от араб. «и вам мир») – ответ на приветствие.

³³ Кьартбабашка (сленг. от крымско-тат. *кьартбаба*) – дедушка.

И вот прошел месяц, мы ни разу даже не созванивались, а теперь она стояла на пороге моего дома, пришла сама. Но зачем?

– Да, конечно, проходи, – улыбнулся я, ведь на самом деле был очень счастлив ее видеть. Было заметно, что она чувствует себя неуверенно, но я тут же обнял ее, прижал к себе и ощутил, как напряжение покидает ее тело, и она, глубоко выдохнув, расслабилась. Затем она подняла свою головку и посмотрела мне в глаза:

– Я беременна... – она неловко улыбнулась, словно боясь сказать что-то не то, – в ту ночь я поняла кое-что... я поняла, как сильно я ошиблась, выбрав не тебя... ты был так влюблен меня, так дорожил мною, что приехал в другую часть города поздно ночью, чтобы помочь мне пережить мое горе, несмотря на то, что оно было связано с другим мужчиной... ты не оставил меня тогда... я долго думала обо всем этом, целый месяц... Скажи мне только, – замолчала она вдруг и еще пронзительнее заглянула внутрь меня, – ты все еще любишь меня?

Я не мог более уходить от правды, весь месяц я пытался обмануть самого себя, но у меня этого не вышло, и, глядя прямо в ее зеленые глаза, я ответил:

– Я люблю тебя, Сусанна.

Я прижал ее к своей груди еще крепче и услышал у своего уха ее нежный шепот:

– Я счастлива, что отцом моего ребенка стал именно ты, Карим... – наши губы вновь слились в долгожданном нежном поцелуе...

Февраль 2015

Скопленные за несколько месяцев работы в кафе небольшие деньги уже стали заканчиваться. Я забрал Сусанну к себе, я посчитал, что ей не нужно было больше снимать квартиру – теперь у нее появился я, и мы могли начать новую жизнь уже вместе. Я должен был опекать ее. Но денег с каждым днем становилось все меньше и меньше, хотя мы и не жили на широкую ногу. Я был научен экономить за эти полгода на копеечной работе. Магазин же, в котором она работала моделью, задержал ей зарплату в этом месяце. Подруги, с которыми она вместе снимала квартиру, ее выгонять, конечно, не стали, но я настоял на том, чтобы Сусанна, ставшая теперь матерью моего будущего ребенка, переехала ко мне. Иначе меня бы терзала совесть. Отныне я должен был нести за нее ответственность.

Однажды, в очередную пятницу я решил вновь съездить в ту просторную мечеть в Аксаре, возле старой работы. В обычные дни я ходил в ту, что была возле наших апартаментов, но в ней бывало не так много народа. Пятницу же я хотел провести в более торжественной обстановке. Наверное, мне необходимо было то окружение, в котором я бы ощущал себя комфортно, которое могло поддержать меня в случае чего.

Мужчин внутри уже было достаточно много, и я вновь пристроился в одном из последних рядов. Я сложил опущенные руки перед собой и приготовился начать читать намаз, как вдруг в нос мне ударил сладковатый аромат каких-то благоухающих масел. Повернувшись на запах, я увидел, что рядом со мной, плечом к плечу, пристроился тот самый старичок, которого я видел тогда здесь же, в другую пятницу пару недель назад. Он улыбнулся мне, подмигнул, и склонил голову к земле, начав шептать губами строчки молитвы. Я последовал его примеру, ощущая в душе некую легкость и радость от такой встречи.

Когда намаз закончился, и большая часть мужчин поднялась с колен, этот мужичок, не вставая, вдруг заговорил со мной:

- Ас-саляму алейкум! – жестом пригласил он меня присесть рядом с ним.
- Ваалейкум ассалам, эфенди!³⁴ – почтительно кивнул я и не стал отказываться. Мне было интересно. Почему-то внутри было такое чувство, что беседа с ним окажется интересной.
- Ты уже второй раз приходишь сюда, оолум³⁵, – хитро прищурился старик.
- Мне нравится атмосфера этой мечети, – обвел я взглядом узорный купол.
- Ты не просто так начал читать намаз, – этот загадочный прищур не сходил с его морщинистого лица. – Как тебя зовут?
- Карим.
- Благородный значит, – задумался старец.
- Мама говорила, что с арабского это «щедрый», – зачем-то уточнил я.

³⁴ Эфенди (тур. *efendi*) – уважаемый, господин.

³⁵ Оолум (тур. *oğlum*) – сын мой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.